

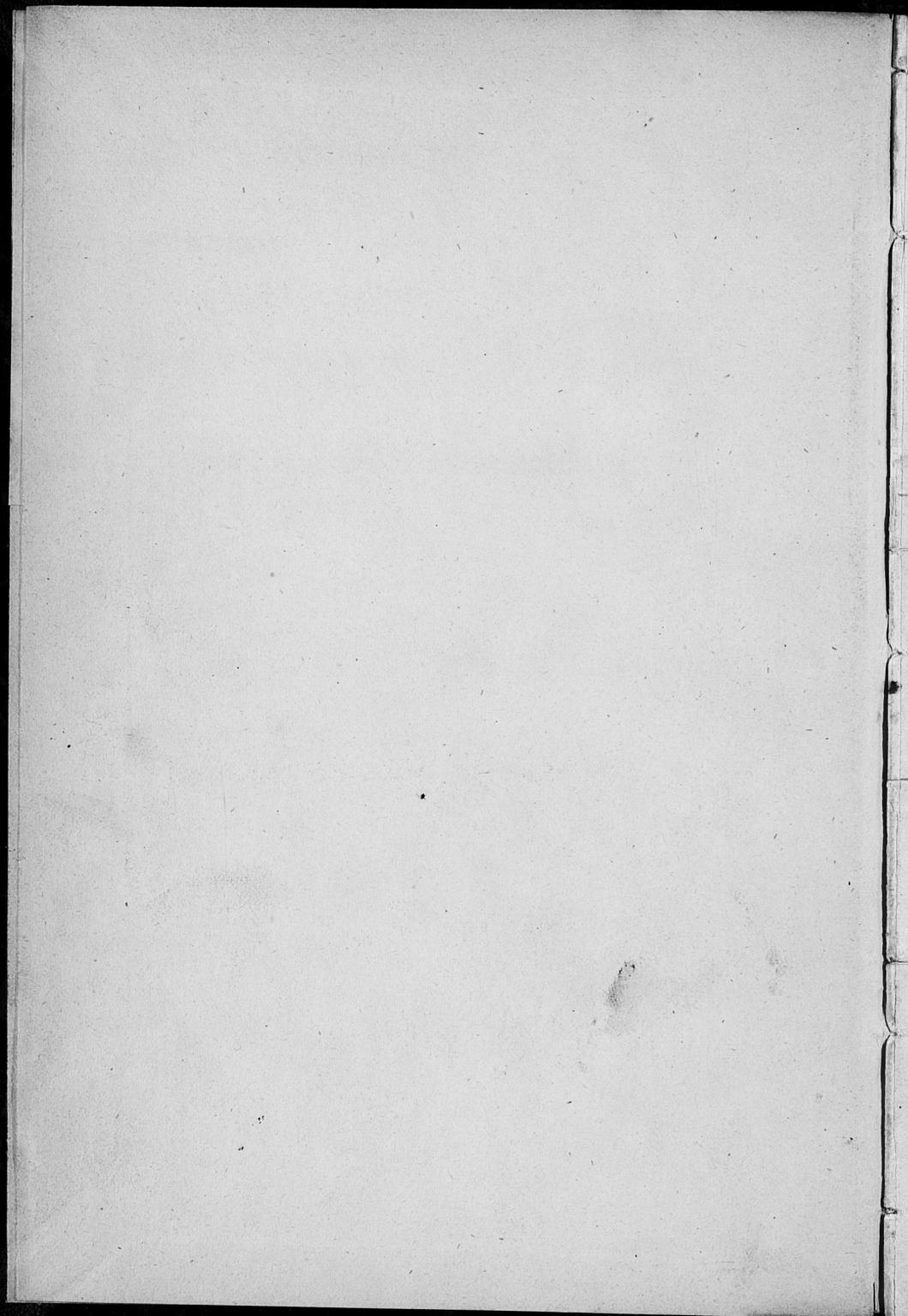
5-53

Fragment of a label or piece of paper at the bottom left corner of the book cover.

БИБЛИОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ	XXXVIII	XXIV	Se I
Полка	5	4	1
№	78	37	9

+

Б-53

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

Е Ш Е В С К І Й.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

К. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

БИБЛИОТЕКА

О-ва для достав. средствъ

В. Ж. КУРСАМЪ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІА ГРАЧЕВА И К., У ПРЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1870.

98/97

616

Дозволено Цензурою. Мосьва 24 Ноября 1869 г.

В. Ж. НАЗАРОВ
0-я для доставки
ВЕРДИСКИ

11/11

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЕШЕВСКІЙ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

Степанъ Васильевичъ Ешевскій родился 2-го февраля 1829 г. Онъ былъ сынъ кологривскаго (Костромской губерніи) помѣщика Василя Ивановича и жены его Александры Васильевны, урожденной Перфильевой. Первое дѣтство его прошло частью въ деревнѣ, частью въ уѣздномъ городѣ. Росъ онъ больнымъ; по его собственному свидѣтельству, въ одномъ изъ писемъ изъ-за границы, онъ былъ до пяти лѣтъ безъ ногъ и безъ языка. Проѣзжіи медики, остановившіеся въ Кологривѣ по дорогѣ въ Сибирь, помоги ему. Съ болѣзненною нервическою мальчикъ соединялъ живость характера и способность къ ученію. Въ 1838 (скорѣе въ 1839 г.) онъ поступилъ въ костромскую гимназію, гдѣ былъ всегда изъ лучшихъ учениковъ. По его разсказу я знаю, что еще въ Костромѣ онъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ (дѣло было въ VI классѣ), задумалъ составить на основаніи учебника и читаемыхъ книгъ (читать онъ любилъ всегда, и въ эту пору читалъ по большей части путешествія) историческій словарь; въ основаніе этого словаря они клали азбучный указатель къ книгѣ Кайданова. Строгое наказаніе мальчика за дѣтскую шалость и намѣреніе Василя Ивановича перейти на службу въ Нижній побудили этого послѣдняго взять сына изъ костромской гимназіи. Чтобы не терять времени, мальчикъ ходилъ въ кологривское училище,

гдѣ его помнитъ С. М. Максимовъ. Въ 1842 г. В. И. Ешевскій перешелъ на службу въ Нижній. Степанъ Васильевичъ послѣ приготовленія у одного изъ учителей въ началѣ учебнаго 1842—43 г. поступилъ въ нижегородскую гимназію. Живу помню, какъ осенью 1842 г. къ намъ въ III классъ въ урокъ латинскаго языка привели тщедушнаго, худаго мальчика, котораго тутъ же и проэкзаменовалъ учитель. Мальчикъ этотъ былъ Ешевскій, и тогда уже поражавшій болѣзненнымъ видомъ. Онъ отвѣчалъ хорошо и поступилъ въ IV классъ, гдѣ хорошо учился и скоро сталъ первымъ въ своемъ классѣ. Съ этихъ поръ начинаются мои личные воспоминанія, хотя впрочемъ мы сблизились болѣе въ то время, когда Ешевскій былъ уже въ V классѣ. Первымъ поводомъ къ нашему знакомству были частныя уроки греческаго языка, которые мы втроемъ (Ешевскій, я и М. И. Ч. одноклассные съ Ешевскимъ) брали у нашего директора, бывшаго когда-то профессоромъ греческаго языка. Добрый, теперь уже покойный М. Ф. Гр. былъ охотникъ учить по гречески, училъ даромъ; но, къ сожалѣнію, весьма неакуратно и по своей грамматикѣ, безтолковой и скучной. Никто изъ учениковъ не выучился по гречески ни у насъ въ гимназіи, ни въ университетѣ, гдѣ онъ былъ профессоромъ. Ешевскій не составлялъ исключенія въ этомъ случаѣ.

Гимназія нижегородская съ пансіономъ, при ней открытымъ (пансіонъ этотъ преобразованъ былъ въ институтъ только въ 1844—45 г.), считалась, если не лучшимъ, то однимъ изъ лучшихъ заведеній въ казанскомъ округѣ. То время, о которомъ мы теперь говоримъ, было завершеніемъ стараго періода его существованія, послѣднимъ временемъ полного господства старой педагогіи: съ открытіемъ института потребовался для двухъ заведеній двойной комплектъ учителей и потому пріѣхало много новыхъ лицъ изъ Казани и изъ

петербургскаго Педагогическаго института; эти прїѣзжіе привезли съ собою новое обращеніе и новыя педагогическія пріемы. Эту перемѣну ощутило на себѣ наше поколѣніе. Когда мы поступили въ гимназію, господствовала полная патріархальность. Каждую субботу сѣкли лѣнвивыхъ, для чего директоръ являлся съ особою торжественностію въ классъ и вызывалъ по списку своихъ жертвъ; учителя дрались въ классѣ, одинъ учитель математики (умершій лѣтъ около 30 тому назадъ) бралъ ученика за волосы и тащилъ его черезъ классъ отъ доски къ скамейкамъ и отъ скамеекъ къ доскѣ; другой учитель географіи и русскаго языка въ первомъ классѣ, замѣтивъ, что мальчикъ грызетъ ногти, велѣлъ ему взять въ ротъ кусокъ мѣлу; онъ же заставлялъ двухъ виновныхъ учениковъ таскать другъ друга за волосы. Въ преподаваніи были тоже курьезы. Урокъ неизмѣнно задавался слѣдующимъ образомъ: учитель читалъ по книгѣ то, что надо выучить, а ученики, слѣдя по своимъ книгамъ, зачеркивали то, что учитель пропускалъ въ чтеніи; если въ программѣ (составленной въ Казани) было что-нибудь не входившее въ учебникъ, тогда учитель доставалъ, откуда Богъ послалъ, недостающее. Самымъ блистательнымъ обращеніемъ того, что бывало въ гимназіяхъ, служитъ одинъ изъ нашихъ учителей математики (тоже умершій теперь), который ни разу — я учился у него года четыре — ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ. Легко представить каковы были успѣхи въ математикѣ! Ломоносовское раздѣленіе слога на высокій, средній и низкій, источники изобрѣтенія и хриіи господствовали въ той теоріи словесности, которая преподавалась намъ по Кошанскому. Между учителями той эпохи были впрочемъ и очень порядочные. Такимъ былъ учитель латинскаго языка Е. Т. Лѣтницкій (у котораго впрочемъ Ешевскій учился мало), доводившій учениковъ до V-го класса. Постоянное вниманіе, постоянное повтореніе

старого, педантическое требованіе точности въ отвѣтахъ и упражненіяхъ были очень полезны для учениковъ; полное знаніе того круга предметовъ, въ которыхъ вращалось преподаваніе, умѣніе отвѣтить на всѣ вопросы учениковъ, тактъ, съ которымъ держалъ себя учитель, все внушало къ нему уваженіе и ставило его выше насмѣшекъ. Самымъ лучшимъ учителемъ того времени былъ П. И. Мельниковъ, у котораго Ешевскій учился съ IV класса до окончанія курса. П. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ: рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогій. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ; но по неопытности требовалъ слишкомъ многого съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскія взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ «Литературной Газетѣ»), персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но, если случалось ему замѣчать, что кто-нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я.

Въ 1844 г. открылся институтъ. Я, бывшій пансіонеромъ, перешелъ въ это новое заведеніе и на годъ мы разстались съ Ешевскимъ; но въ этотъ годъ мы часто видались по праздникамъ и въ вакаціи; то онъ заходилъ ко мнѣ, то я къ нему. Тогда мы показывали другъ другу свои первые литературные

опыты: Ешевскій писалъ стихи, я больше прозу. Ешевскій былъ строгимъ критикомъ этихъ опытовъ и по правдѣ очень справедливымъ. Стихи Ешевскаго были очень гладки, хотя и не показывали особаго поэтическаго дарованія. Черезъ годъ на одной изъ тѣхъ литературныхъ бесѣдъ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, Ешевскій читалъ свои стихи, между прочимъ одно стихотвореніе «Къ звѣздѣ». Директоръ гимназіи (не тотъ, о которомъ говорилось выше, а другой) замѣтилъ: «Надѣюсь, что ваша звѣзда не съ волосами» (т. е. что стихотвореніе писано не къ женщинѣ): такъ ревниво охраняли тогда насъ даже отъ свѣжаго юношескаго чувства, которое придаетъ полную прелесть воспоминанію молодыхъ лѣтъ. Тогда же Ешевскій познакомилъ меня съ ихъ новымъ учителемъ словесности. Этотъ учитель былъ человѣкъ безспорно даровитый, и намъ послѣ стараго преподаванія словесности казался чѣмъ-то особеннымъ. Какъ учитель, онъ былъ хорошъ тѣмъ, что требовалъ тщательной обработки слога и изученія образцовыхъ писателей; въ его воззрѣніяхъ на литературу было много своеобразнаго и далеко не всегда правильнаго; къ тому же, кромѣ знанія словесности русской и отчасти французской, онъ не обладалъ никакими знаніями; даже Байрона, которому онъ поклонялся, можетъ быть, иногда и чрезмѣрно, онъ зналъ по французскому переводу. Ешевскій имѣлъ съ нимъ въ послѣдствіи столкновеніе, которое показываетъ, какъ рано развились въ немъ требованія, гораздо болѣе серьезныя, чѣмъ требованія самого учителя: онъ писалъ сочиненіе о Фритіофѣ и занялся отысканіемъ въ доступныхъ ему книгахъ свѣдѣній о Норманнахъ и ихъ жизни, а учитель желалъ опредѣленія отношеній Тегнеровой поэмы къ теоріи и гладкаго изложенія. Ешевскій кинулъ тетрадь, учитель разсердился; едва уладили дѣло.

Въ 1845 г. Ешевскій перешелъ въ VII классъ; а я, оставивъ институтъ, былъ переведенъ отцемъ въ гимназію. Здѣсь

мы были почти неразлучны: вмѣстѣ ходили по корридору гимназій; сходились по вечерамъ то у него, то у меня, то въ знакомыхъ семействахъ и преимущественно въ одномъ, гдѣ радушно принимали гимназистовъ потому, что дѣти были тоже въ гимназій. Много мы толковали въ это время и много спорили; я былъ въ обаяніи отъ Бѣлинскаго и отъ Григорьева (странное сопоставленіе, возможное только въ молодые года) и бредилъ Жоржъ Зандомъ. Ешевскій мало вѣрилъ первому, никогда не читалъ втораго; впрочемъ начиналъ славаться третьей; въ университетскіе годы онъ много читалъ ея романовъ и горячо заступался за нихъ. Его занятія были серьезнѣе моихъ: я весь предался чтенію литературному почти исключительно, перечитывалъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей, читалъ Жоржъ Занда, Гюго, Гёте; а онъ предпочиталъ чтеніе историческое: такъ я знаю, что въ эту пору онъ прочелъ Баранта: «Histoire des ducs de Bourgogne» и готовилъ къ акту свое сочиненіе: «О пребываніи Петра Великаго въ Нижнемъ», которое сначала прочитано было на литературной бесѣдѣ, потомъ на актѣ и наконецъ напечатано въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ». Сочиненіе это, написанное подъ руководствомъ П. И. Мельникова, показало направленіе молодого автора: простота изложенія посреди господствующей въ гимназіяхъ и даже въ литературѣ — дѣло было въ 40-хъ годахъ — витіеватости, добросовѣстное пользованіе всѣмъ, что было указано, ясно говорили, что авторъ не остановится на полпути. Литературныя бесѣды, на одной изъ которыхъ прочитано это сочиненіе, введены были переведеннымъ незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Каждый мѣсяць назначалась такая бесѣда и для нея одинъ изъ учениковъ VI и VII классовъ долженъ былъ приготовить сочиненіе; сочиненіе это читалось въ присутствіи другихъ учениковъ и всего

гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ диспутъ, записанный учителемъ вмѣстѣ съ сочиненіемъ, послался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности; отчеты профессора о достоинствахъ присылаемыхъ отовсюду сочиненій печатались въ «Правительственныхъ распоряженіяхъ» (тогдашній журналъ округа). Съ трепетомъ ждалъ каждый изъ нихъ, что скажетъ К. К. Фойхтъ объ его сочиненіи. При такомъ порядкѣ бесѣды эти — что ясно само собою — должны были имѣть въ себѣ много театральнаго, подготовленнаго: дѣйствительно, для нѣкоторыхъ учениковъ возраженія приготавливалъ учитель; сказанное негладко выглаживалось въ письменномъ изложеніи: бывало, послѣ бесѣды приготавлиешь сочиненіе для отсылки въ Казань и сочиняешь на досугѣ отвѣты на возраженія, иногда даже послѣ придуманные учителемъ; все это потомъ еще чиститъ и выглаживаетъ учитель. Въ 1846 г. наше начальство, желая доказать, что гимназія не пала послѣ отдѣленія института, на что намекали въ актовомъ рѣчи этого послѣдняго заведенія, затѣяло пригласить на бесѣду губернскаго предводителя и губернатора. Сочиненіе было мое: «Борисъ Петровичъ Шереметевъ». Сочиненіе понравилось и тогда сдѣлали второй опытъ: Ешевскій читалъ свое сочиненіе. «О Мѣстничествѣ». Эти-то бесѣды описалъ П. И. Мельниковъ въ «Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ», которыя онъ тогда редактировалъ. Описаніе это перепечатано въ «Москвитиниѣ» 1846 г., а потомъ А. С. Гацскимъ въ «Ниж. Вѣд.» 1865 г. (№ 23, статья: «Воспомианіе о С. В. Ешевскомъ»). Это описаніе не совѣмъ безпристрастно уже и потому, что авторъ статьи былъ главнымъ руководителемъ бесѣды, такъ какъ темы были историческія; тѣмъ не менѣе дѣло передается довольно близко къ правдѣ. Дѣйствительно, мы серьезно готовились къ своимъ сочиненіямъ; прочитывали всѣ доступные

намъ источники; готовились оба, какъ авторъ сочиненія, такъ и опонентъ, и скрывали другъ отъ друга возраженія, что впрочемъ не мѣшало всей остальной обстановкѣ быть подготовленною. При такой подготовкѣ понятно, что сочинитель могъ отвѣчать и на стороннія возраженія. Помню я, на бесѣдѣ Ешевскаго одинъ изъ присутствовавшихъ (теперь уже покойный П. П. Григорьевъ) сдѣлалъ возраженіе, на которое Ешевскій могъ отвѣчать цитатою изъ «Полнаго Собранія Законовъ». Готовился онъ для своего сочиненія много: прочелъ два тома мѣстническихъ дѣлъ, изданныхъ Н. И. Ивановымъ (въ «Русскомъ Сборникѣ» Московскаго историческаго общества), пересмотрѣлъ въ «Полномъ собраніи законовъ» акты царствованія Алексѣя Михайловича и Θεодора Алексѣевича, Акты Археогр. Экспедиціи и т. п. «Симбирскаго Сборника» тогда еще, кажется, не выходило или по крайней мѣрѣ не было въ Нижнемъ. Ешевскій писалъ мнѣ изъ Казани, что онъ тамъ прочелъ эту книгу. Въ этомъ же году Ешевскій и я впервые попробовали преподавательской дѣятельности: П. И. Мельниковъ получилъ на мѣсяць отпускъ и въ продолженіе этого мѣсяца его уроки въ старшихъ классахъ были заняты учителями, а въ меньшихъ (III и IV) отданы мнѣ и Ешевскому; Ешевскій велъ свой классъ, сколько помню, и дѣльно и строго. Такъ проходила наша гимназическая жизнь. Ешевскій много читалъ; но онъ не зарывался въ книги; по своему веселому, подвижному характеру, онъ и не могъ этого сдѣлать; у него иногда прорывались чисто дѣтскіе порывы шалости, которые придавали ему много привлекательности. Онъ былъ молодъ въ полномъ смыслѣ слова и не корчилъ изъ себя солиднаго челоуѣка: любилъ потанцовать, поболтать, а иногда и пошалить; но какъ шалить дѣти. Зато знаніями своими онъ стоялъ далеко выше уровня лучшихъ даже гимназистовъ, думаю, и теперешняго времени: выходя изъ

гимназіи онъ былъ хорошо знакомъ съ русскою литературой, читалъ кое-что по французски (по нѣмецки онъ выучился уже послѣ университета; еще на III-мъ курсѣ онъ говорилъ мнѣ: «Начну читать, а передо мной встаетъ Андрей Андреевичъ, ну и кинешь книгу»). Андрей Андреевичъ Г. теперь покойный, былъ нашъ нѣмецкій учитель, который во всѣхъ оставилъ такое же благодарное воспоминаніе), читалъ много историческихъ книгъ и порядочно зналъ по латыши. Твердая и вѣрная память, быстрота и живость соображенія отличали его и тогда уже. Когда онъ писалъ, онъ не выдѣлывалъ своихъ фразъ, оттого я шутя называлъ слогъ его *лапидарнымъ*; но тѣмъ не менѣе его изложеніе всегда было дѣльно и толково. Оглядываясь назадъ на это давноминувшее время, конечно можно быть недовольнымъ многимъ въ нашемъ первоначальномъ образованіи; можно сказать, что въ занятіяхъ нашихъ не было метода, что, узнавая много, мы узнавали какъ-то случайно и безсвязно: мы были все — какъ часто любилъ говорить Ешевскій — самоучки. Тѣмъ не менѣе мы многое знали, хотя отъ случайности пріобрѣтенія между нужнымъ много было и ненужнаго; а, главное, мы получили любовь къ знанію, стремленіе къ труду и уваженіе къ наукѣ, то въ началѣ смутное благоговѣніе къ его вышему вмѣстилищу, университету, которое сопровождало насъ во всю жизнь. Думаю, что этимъ благомъ съ избыткомъ выкупается беспорядочность нашего образованія, бывшая естественнымъ слѣдствіемъ того состоянія науки и общества, при которомъ совершалось наше развитіе. За эти блага можно поблагодарить руководителей нашей молодости и литературу, которая насъ воспитывала.

Въ іюнь 1846 г. Ешевскій кончилъ гимназическій курсъ. Ему хотѣлось ѣхать въ Москву; но воля отца, кажется, не безъ вліянія бывшаго тогда въ Нижнемъ профессора Н. А.

Иванова, побудила его ѣхать въ Казань. Казанскій университетъ переживалъ въ то время лучшую пору своего существованія: въ I отдѣленіи философскаго факультета (по нынѣшнему историко-филологическій факультетъ) и въ факультетѣ юридическомъ было нѣсколько хорошихъ профессоровъ; но выше всѣхъ ихъ стоялъ Н. А. Ивановъ. Недавняя могила приняла въ себя этого замѣчательнаго человѣка и я не могу удержаться, чтобы не сказать о немъ нѣсколькихъ словъ. Обширный и многосторонній умъ, громадная память и необыкновенный даръ слова отличалъ его, какъ профессора. Онъ мало сдѣлалъ для науки; но въ этомъ виновата была преимущественно та обстановка, которую онъ нашелъ въ Казани: буйные, дикіе нравы господствовали въ студенчествѣ этого полувосточнаго города; и почти то же можно сказать и о нравахъ профессоровъ, а отчасти и всего общества казанскаго той эпохи, когда Ивановъ началъ свою дѣятельность. Но этого мало: университетъ былъ бѣденъ профессорами. Иванову пришлось занять нѣсколько кафедръ: онъ читалъ въ одно время русскую исторію и древности (едвали это не единственный профессоръ, за исключеніемъ харьковскаго Успенскаго, который читалъ русскія древности), всеобщую исторію (да еще съ особымъ курсомъ для юристовъ) и исторію философіи. Во всѣхъ этихъ предметахъ Ивановъ старался приносить съ собою самостоятельное знаніе, и оттого ему не доставало времени выработать что-нибудь до той степени, чтобы выработанное могло быть напечатано. Печатно Ивановъ извѣстенъ мало, отчасти и оттого, что лучшее его сочиненіе: «Россія» появилось подъ чужимъ именемъ, да еще подъ именемъ не пользовавшимся въ литературѣ почетною извѣстностію. Тѣмъ не менѣе по замыслу, да частію и по исполненію, это книга замѣчательная. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ Казани, гдѣ исторію слушалъ у Булыгина, большаго чудака,

отчасти скептика, человѣка, судя по нѣкоторымъ статьямъ и по разсказамъ, весьма не глупаго, но мало образованнаго и мало даровитаго, этотъ-то молодой человѣкъ, побывъ немного въ Дерптѣ, почитавъ кое-что, задумалъ перестроить русскую исторію: онъ первый поставилъ ее въ среду исторіи другихъ славянскихъ народовъ и связалъ съ общою исторіей Европы. Къ сожалѣнію, книга оканчивается на смерти Ярослава Владиміровича; но самый планъ долженъ когда-нибудь пробудить даровитаго человѣка, заставить его поработать и осуществить то, что бродило въ головѣ молодаго дерптскаго студента, и что онъ покусился осуществить со всею дерзостію молодости, не подозревающей ни обширности предмета, ни слабости еще неопытныхъ силъ. Эта книга, встрѣченная привѣтомъ Шафарика, была погребена для русской публики громовою рецензіей О. М. Бодянскаго въ «Москов. Наблюдателѣ». Въ послѣдствіи въ одномъ изъ примѣчаній къ своей докторской диссертации О. М. воздалъ должное этой книгѣ; но уже поздно: его рѣзкую статью въ журналѣ прочли всѣ, а диссертацию читали весьма немногіе. Отъ того или отъ другаго все равно, но этотъ замѣчательно-даровитый человѣкъ не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда. Позднѣйшія поколѣнія строго осудили Иванова: отголосокъ этихъ сужденій можно видѣть въ «Воспоминаніяхъ о С. В. Ешевскомъ» А. С. Гацискаго. Дѣйствительно, Ивановъ послѣднихъ годовъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть. Грустное чувство овладѣваетъ невольно, когда подумаешь о томъ, что разныя обстоятельства, вольныя и невольныя вины отнимали у русской мысли и русской науки не менѣе дѣятелей, чѣмъ и самая смерть. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, Ивановъ былъ въ полной славѣ.

Ешевскій, пріѣхавъ въ Казань и выдержавъ съ честію вступительный экзаменъ, отъ котораго ученики нашей гимназіи

не были избавлены и въ Казани, сдѣлался студентомъ 1-го курса 1-го отдѣленія философскаго факультета и слушалъ между прочимъ профессора Иванова, читавшаго всѣмъ курсамъ всеобщую исторію. По недостатку времени Ивановъ принялъ такую систему: онъ собралъ всѣ четыре курса въ одну аудиторію и читалъ имъ то пропедевтику исторіи (обозрѣніе литературы исторической и вспомогательныхъ наукъ), то древнюю, то среднюю, то новую исторію. Такимъ образомъ каждый студентъ выслушивалъ полный курсъ исторіи, хотя и не всегда въ систематическомъ порядкѣ. Когда Ешевскій былъ на первомъ курсѣ, Ивановъ читалъ пропедевтику. Въ предшествующій разъ онъ читалъ пропедевтику блистательно: въ живыхъ очеркахъ, характеризуя тотъ или другой родъ источниковъ, ту или другую вспомогательную науку, онъ приводилъ въ восторгъ слушателей. Студенты старшихъ курсовъ передавали Ешевскому (это я слышалъ отъ него самого) о той лекціи, которую Ивановъ посвятилъ пѣснямъ и которую заключилъ словами Шиллера: «Der böse Mensch kann keine Lieder haben». Къ сожалѣнію на этотъ разъ пропедевтика имѣла совсѣмъ другой характеръ: Ивановъ вздумалъ прочесть каталогъ историческихъ сочиненій. Ешевскій нѣсколько разъ въ своихъ письмахъ возвращается къ этимъ лекціямъ: «вообрази, что въ одной его лекціи было 260 собственныхъ именъ. Суди же какова память», писалъ онъ мнѣ въ первое полугодіе. «Пропедевтика быстро идетъ къ совершенству, писалъ онъ передъ переходнымъ экзаменомъ: теперь ея 78 лекцій, и если положить круглымъ числомъ по 5 собственнымъ именъ на каждую лекцію (впрочемъ это *minimum*), то можешь представить, какой громадный итогъ проклятыхъ именъ, которыми надо набить голову къ наступающему торжеству экзаменовъ. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*». Не довольствуясь собственными именами и названіями

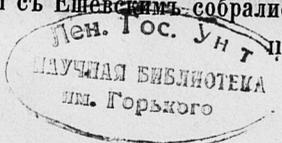
сочиненій, Ивановъ вносилъ еще иногда и оглавленія сочиненій; такъ, на примѣръ, знаменитыя сочиненія Вассія *De scriptoribus graecis* и *De scriptoribus latinis*, удостоены были этой честью; а такъ какъ ихъ оглавленія состоятъ тоже изъ именъ писателей, то запасъ именъ еще умножился. Прибавлю впрочемъ, что были и характеристики: я помню превосходную лекцію о Гиббонѣ, которую читалъ въ тетрадахъ Ешевскаго. Все эту мудрость надо было прочитывать не только къ экзамену, но еще къ репетиции, которая бывала послѣ Рождества. Ешевскій съ честью сдалъ репетицію. Возвратясь изъ Нижняго послѣ Святой, писалъ онъ мнѣ: «Пріѣхалъ въ Казань, комната пуста: все вынесено точно послѣ нашествія непріятельскаго. Первый день былъ посвященъ приведенію въ порядокъ комнаты и отчасти головы, впрочемъ преимущественно первой. На другой день Нижній изъ головы вонъ, лекція въ руки; двѣ ночи напролетъ не спалъ. За этотъ безпримѣрный подвигъ на репетиции Ивановъ сказалъ sic (въ юношескихъ письмахъ Ешевскій часто вставлялъ не только слова, но и фразы по латыни): «весьма благодаренъ г. Ешевскій», и поставилъ 5 + одному изъ всего факультета. Сицевую викторію я отпраздновалъ, пройдя галопомъ отъ университета до дому». Послѣднія слова вовсе не фраза: Ешевскій въ ту пору готовъ былъ дѣйствительно пробѣжать галопомъ; ходилъ же онъ цѣлую ночь по Казани, отыскивая будочника, который заснулъ, чтобы забросить его аллебарду на будку съ цѣлю привести въ затрудненіе этого стража «съ сѣкирою, въ бронѣ сермяжной»; выворачивалъ же онъ другою ночью маленькія деревца на Черномъ Озерѣ (казанское гулянье) вверхъ кореньями, такія шалости были совершенно въ его духѣ. Шутка, мистификація чрезвычайно нравились ему въ тѣ далекіе годы. Впрочемъ неистощимый запасъ веселости и юмора, къ сожалѣнію омраченный болѣзненностью, сохранилъ

онъ и въ послѣдніе страдальческіе дни свои. Ивановъ благоволилъ къ Ешевскому съ самаго его пріѣзда: даже первое время онъ, пока Ивановъ не пріѣзжалъ, останавливался на его квартирѣ и здѣсь прочелъ большую рѣдкость, докторскую диссертацию Иванова: *De Cultus popularis in Russia Ortu et progressu*. Послѣ удачной репетиціи благоволеніе усилилось, и Ивановъ указалъ ему для дополненія къ тому, что онъ уже читалъ о происхожденіи Варяговъ, на сочиненія Байера и *Memoriae Populorum*. Самъ Ешевскій въ то время приходилъ въ восторгъ отъ славянской теоріи Венелина и, когда былъ въ Нижнемъ, давалъ мнѣ читать Скандинавманію. На лѣтней вакаціи онъ предполагалъ заняться сводомъ мнѣній о Варягахъ и писалъ мнѣ: «Мнѣ хочется сначала собрать всѣ извѣстія восточныхъ, византійскихъ и западныхъ писателей о Варягахъ, а потомъ представить всѣ мнѣнія о нихъ, расположивъ эти мнѣнія по сектамъ». Мысль эта впрочемъ не была осуществлена, быть можетъ, по той причинѣ, о которой говоритъ онъ въ концѣ письма: «Ради Аллаха, не говори объ этомъ Павлу Ивановичу (Мельникову), а то, я предчувствую, что онъ скажетъ, что прежде, нежели браться за такое предпріятіе надо лучше моего знать исторію». Для насъ это не выполненное предпріятіе важно потому, что показываетъ, какъ добросовѣстно хотѣлъ все знать Ешевскій еще въ такой ранней молодости (тогда ему было только 18 лѣтъ). Другимъ занятіемъ Ешевскаго въ Казани была нумизматика: онъ вывезъ оттуда небольшое собраніе монетъ и нѣсколько старинныхъ французскихъ книгъ объ этомъ предметѣ. Это было началомъ его археологическихъ занятій, получившихъ въ послѣдствіи такое видное мѣсто въ ряду его трудовъ. У Ешевскаго страсть къ собиранію предметовъ древности была не только результатомъ пониманія ихъ важности, но и просто страстію антикварія: онъ любовался каждымъ предметомъ,

который приобрѣталъ. Отличительною чертой его было то, что никогда и ничего онъ не дѣлалъ хладнокровно, только для отбыванія обязанности; но во все вносилъ страстность своей природы, клалъ часть своей души; оттого, быть можетъ, онъ и сгорѣлъ такъ рано... Изъ другихъ профессоровъ перваго курса могъ бы принести пользу Ешевскому Тхаржевскій, учившій по гречески (въ Казань поступали совершенно не знающіе этого языка, ибо изъ гимназій округа преподаваніе его было введено только въ одну, 1-ю казанскую); но, къ сожалѣнію, онъ учился у Тхаржевскаго только годъ, да и то по болѣзни не всегда бывалъ на лекціи. «Къ несчастію, писалъ мнѣ Ешевскій, я не слышалъ его объясненія глаголовъ и вызубрилъ тоѣто наизусть». Ни И. М. Благовѣщенскаго, ни В. И. Григоровича, читавшихъ на старшихъ курсахъ, не слушалъ Ешевскій и, разумѣется, не слушалъ юристовъ, между которыми блисталъ тогда Д. И. Мейеръ.

Лѣтнюю вакацію Ешевскій провелъ въ Нижнемъ, гдѣ былъ тогда Ивановъ, ревизовавшій нашу гимназію, и эленистъ Фишеръ. Ивановъ, узнавъ о томъ, что Ешевскій собирается перейти въ Москву, началъ уговаривать его остаться въ Казани, выставлялъ на видъ то, что по выходѣ онъ можетъ остаться при университетѣ, и что онъ, Ивановъ, надѣется имѣть его своимъ адъюнктомъ. Ешевскій не поддался однако этимъ убѣжденіямъ и твердо рѣшился ѣхать въ Москву. Фишеръ, говорившій только по нѣмецки и по латыни, скучалъ въ Нижнемъ; Ивановъ познакомилъ съ нимъ Ешевскаго, который сопровождалъ его въ прогулкахъ и, не зная по нѣмецки, долженъ былъ говорить по латыни, что и было для него самого чрезвычайно полезно.

Въ іюлѣ я уѣхалъ въ Москву; Ешевскій пріѣхалъ вскорѣ послѣ меня. Когда кончились мои вступительные экзамены, а лекціи еще не начинались, мы съ Ешевскимъ собрались къ

Троицѣ; наняли телегу въ одну лошадь и двое сутокъ тащились до Троицы; здѣсь пробыли день. Поклонились святынь и въ ризницѣ лавры впервые познакомились съ памятниками церковной древности. Назадъ ѣхали также двое сутокъ, ѣхали, разумѣется, шагомъ и часто шли пѣшкомъ. Всею эту дорогу Ешевскій былъ необыкновенно веселъ: длинная перспектива будущаго развивалась передъ нами ралужная и заманчивая; сколько смѣху, шутокъ, остротъ! Все дорожныя неудобства только усиливали нашу веселость: помню, что разъ пришлось намъ спать поочередно на узкой лавочкѣ, и какъ мы были довольны этимъ обстоятельствомъ! Такъ молоды мы были, такъ намъ было весело! Въ Москвѣ мы шатались по Кремлю, смотрѣли, что было доступно нашимъ средствамъ, и проводили въ прогулкахъ лѣтніе вечера. Москва и кремль повѣяли на насъ своею старою историческою жизнью. Какое-то чувство восторга и благоговѣнія къ старинѣ пробивалось въ нашихъ разговорахъ. Съ юношескимъ негодованіемъ смотрѣли мы на перестройки старыхъ зданій и пристройки къ нимъ: намъ больно было видѣть, что новая жизнь коснулась исторической святыни. Я поселился у своихъ родныхъ на Прѣнѣ, Ешевскій у своей тетки въ Хамовникахъ. Мы видѣлись каждый день, иногда оставались ночевать другъ у друга; а иногда тотъ, у котораго другой былъ въ гостяхъ, шелъ провожать почти что всю дорогу и возвращался домой одинъ. О чемъ тутъ не было переговорено! Но главный вопросъ, который занималъ насъ, былъ: что-то скажетъ намъ университетъ, тогда гремѣвшій по всей Россіи? Съ нѣкоторыми изъ профессоровъ мы были знакомы по сочиненіямъ: оба мы прочли «Волинъ, Юмбургъ и Винету» *Грановскаго* (еще изъ Казани Ешевскій писалъ мнѣ съ восторгомъ объ этой статьѣ), *С. М. Соловьева* «Объ отношеніяхъ Новгородѣ къ великому князю» и тогдашнюю новизну, на которую мы съ жадностію кипулись

по приѣздѣ въ Москву, «Исторію родовыхъ отношеній между князьями Рюрикова дома». Помню, какъ по дорогѣ во Владиміръ попался мнѣ листокъ газеты съ извѣстіемъ о диспутѣ Соловьева и съ краткимъ изложеніемъ книги: новый міръ, казалось, откроется передо мною, когда прочту книгу. Въ Москвѣ я прочелъ полемику между Соловьевымъ и Погодинымъ; я немедленно сталъ на сторонѣ Соловьева и тогда же досталъ себѣ его лекціи. Слѣдя за журналами, мы читали и статьи профессоровъ: оба мы чуть не наизусть знали статью *К. Д. Кавелина*: «Юридическій бытъ древней Россіи», которою открывался «Современникъ» 1847. Ешевскаго познакомилъ съ нею профессоръ Казанской Духовной Академіи Морозкинъ, котораго онъ очень полюбилъ въ Казани и о которомъ съ жаромъ говорилъ мнѣ въ это первое время. *С. П. Шевырева* и *Θ. И. Буслева* мы тоже знали: перваго и по журнальнымъ статьямъ, и по «Теоріи поэзіи», съ которою я былъ близко знакомъ, и по только что появившейся «Исторіи русской словесности», а послѣдняго по его книгѣ «О преподаваніи отечественнаго языка», которая для меня тогда была мало понятна. *М. Н. Каткова* оба мы знали, какъ переводчика «Ромео и Юліи» и автора нѣсколькихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ съ особымъ наслажденіемъ читалась статья о Саррѣ Толстой. «Элементы и формы» не дошли ни до Нижняго, ни до Казани, да едвали мы были въ состояніи тогда понять эту книгу, какъ слѣдуетъ. Все это были имена извѣстныя намъ; но рядомъ съ ними произносились два другіе имени, какъ надежда будущаго: изъ-за границы приѣхали *П. Н. Кудрявцевъ* и *П. М. Леонтьевъ*. Мы и не подозрѣвали тогда, что Кудрявцевъ былъ авторомъ тѣхъ изящно-грустныхъ и поэтически-задушевныхъ повѣстей, которыя подъ подписью А. Н. и А. Нестроевъ плѣняли насъ въ современныхъ журналахъ, мы не знали тогда, что граціозная

статья «О Венерѣ Милоской» (въ Отеч. Зап., а послѣ въ Прописяхъ) принадлежала тому же перу.

Но вотъ лекціи открыты: мы выслушали щегольски-обточенную и тщательно приготовленную лекцію Шевырева, слышали лекціи новыхъ профессоровъ, присутствовали при открытіи филологической семинаріи, при чемъ Шевыревъ произнесъ Цицероновскою латынью привѣтственную рѣчь и закончилъ ее словами: *foreant, foreant apud nos studia philologica!* Здѣсь позволю себѣ остановиться и сказать нѣсколько словъ о Московскомъ университетѣ въ ту эпоху, когда наша *alma mater* была общимъ чашиемъ почти всего, что было мыслящаго въ Россіи, верховнымъ ареопагомъ въ дѣлѣ науки. Московскій университетъ, когда мы вступили въ него, блисталъ плеядою талантовъ въ разныхъ родахъ и разныхъ направленіяхъ: Соловьевъ и Шевыревъ, Катковъ и Рѣдкинъ, Грановскій и Крыловъ, Кавелинъ и Морошкинъ, Кудрявцевъ и Чивилевъ — что можетъ быть противоположеніе по таланту и направленію, по складу ума и характера? Но надъ всѣмъ этимъ разнообразіемъ умовъ, характеровъ и даже направленій, подымалось одно общее свойство. Если въ Московскомъ университетѣ возникла распря, то причину надо было искать не въ томъ, что профессора добивались какихъ-нибудь матеріальныхъ выгодъ и ставили другъ другу западни, а въ разницѣ направленій: одинъ считалъ вреднымъ то, что другой признавалъ полезнымъ; тогда вся Россія это знала и вѣрила Московскому университету. Если одна тяжелая исторія разнеслась въ это время по лицу земли русской, то въ той же исторіи сказалось со стороны университета столько высоко-благороднаго, горячаго, молодаго чувства, что не Московскій университетъ обвинило на этотъ разъ русское мыслящее общество, узнавшее исторію; даже въ то время, когда сѣкира положена была у корня дерева, когда закрыты были

Нѣкоторыя кафедры, а другія сѣужены и число студентовъ уменьшено до нормы 300 человекъ (кромѣ медиковъ), и тогда къ московскому университету можно было вполне отнести слова поэта:

Ты твердо свѣточъ свой держалъ.

Вотъ отчего такъ дорогъ намъ всѣмъ день 12-го января, день нашего общаго духовнаго рожденія: всѣ мы повиты и взлелѣяны духомъ этого высоко-правственнаго времени въ жизни Московскаго университета! Мнѣ скажутъ, можетъ быть: отчего Московскій университетъ выпустилъ мало людей ученыхъ, да и тѣмъ приходилось многому доучиваться собственными средствами и навсегда страдать недостаткомъ тѣхъ или другихъ знаній? Не стану спорить, зная все это горькимъ опытомъ не только на себѣ, но и на многихъ близкихъ людяхъ, но все-таки отвѣчу, что Московскій университетъ выпустилъ много просвѣщенныхъ людей и что между дѣятелями настоящаго времени, начиная отъ высшихъ ступеней и до самыхъ скромныхъ, немало воспитанниковъ этого университета, или учениковъ его бывшихъ воспитанниковъ, или по крайней мѣрѣ людей въ юности читавшихъ и перечитывавшихъ то, что писано его членами. Едвали много найдется людей нашего поколѣнія, которые были бы свободны отъ прямаго или косвеннаго вліянія Московскаго университета. На Московскій университетъ нашего времени есть и еще одно обвиненіе: въ немъ, говорятъ, преобладало западное направленіе, онъ не былъ чисто-русскимъ. Въ этомъ обвиненіи есть своя доля правды: дѣйствительно въ университетѣ число даровитыхъ представителей европейскаго направленія было больше, чѣмъ славянофиловъ, дѣйствительно, сочувствіе, было болѣе на ихъ сторонѣ уже и потому, что самымъ своимъ существованіемъ они представляли протестъ несочувственному для многихъ

настроенію, господствовавшему тогда въ официальныхъ сферахъ. Нельзя не видѣть въ этомъ слабой стороны тогдашняго общества, а не одного университета, но нельзя однако не признать, что, западный или русскій, этотъ университетъ того времени принесъ значительную пользу, воспитывая нравственно цѣлое поколѣніе. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторые изъ видныхъ представителей славянофильства вышли изъ того же университета, и что многіе обратились къ этому ученію въ послѣдствіи; но и тѣ и другіе не помянуть, мы убѣждены въ томъ, лихомъ своихъ студентскихъ лѣтъ.

Перейдемъ теперь къ преподаванію исторіи, которое ближе интересуется насъ по отношенію къ Ешевскому. Четыре профессора преподавали исторію въ то время, когда мы пріѣхали въ Москву: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ и Кавелинъ. Съ изящною личностію Грановскаго въ недавнее время поэтически-ярко познакомилъ публику А. В. Станкевичъ. Сочиненіе это, имѣющее всю прелесть современныхъ записокъ, живо переноситъ читателя въ ту эпоху, въ кабинетъ Грановскаго и въ кружокъ людей, связанныхъ съ нимъ тѣсною дружбой. Но для пониманія Грановскаго въ университетѣ, для оцѣнки его вліянія на студентовъ книга г. Станкевича даетъ гораздо менѣе, чѣмъ для оцѣнки его личности. Быть можетъ, не оттого ли произошла неясность въ этомъ отношеніи, что въ превосходной книгѣ г. Станкевича между лицами, окружавшими Грановскаго, слишкомъ мало мѣста дали П. Н. Кудрявцеву? Эти два лица дополняютъ другъ друга, ихъ единоедушіе, взаимное уваженіе и вѣрное пониманіе другъ друга должны бы служить благотворнымъ примѣромъ и новому поколѣнію профессоровъ: «Грановскій даровитѣ меня», вполне искренно говорилъ Кудрявцевъ. «Кудрявцевъ ученѣ меня», говорилъ Грановскій. Такая оцѣнка совершенно соответствуетъ дѣйствительности: точно, Грановскій былъ даровитѣ,

точно, Кудрявцевъ былъ учене. Различіе характеровъ соотвѣтствовало различію талантовъ: открытый, веселый характеръ Грановскаго также мало похожъ былъ на задумчивый, сосредоточенный характеръ Кудрявцева, какъ ясное, образное, антично-изящное изложеніе Грановскаго, поражающее умънемъ при сжатости сказать все, что нужно для полноты образа, и ничего не оставляющее въ туманѣ, непохоже было на обширное, полное самыхъ дробныхъ психологическихъ соображеній изложеніе Кудрявцева. Если на лекціяхъ Грановскаго увлекалъ насъ быстрый, художественный очеркъ цѣлыхъ эпохъ и народовъ, то у Кудрявцева мы слѣдили внимательно за тонкимъ разборомъ характеровъ: торжествомъ его были лекціи о блаженномъ Августинѣ и Лютерѣ; помню, что очерку внутренняго развитія Лютера посвящено было пять лекцій. Передъ нами во всей полнотѣ прошла борьба, совершавшаяся въ душѣ этихъ двухъ великихъ личностей, завершившаяся для одного переходомъ въ христіанство, для другаго отторженіемъ отъ Рима. Перехода къ изображенію внѣшнихъ дѣйствій и отношеній, къ явленіямъ, совершающимся въ человѣческомъ обществѣ, а не въ душѣ чловѣка, Кудрявцевъ уже не былъ такъ счастливъ, хотя и съ этой стороны можно указать превосходные страницы въ «Судьбахъ Италіи», гдѣ опять-таки лучше всего выходитъ характеристика папы Григорія Великаго. Типическимъ выраженіемъ особенностей таланта Кудрявцева можетъ служить его книга: «Римскія женщины по Тациту» и въ особенности разборъ «Эдипа царя». Эта статья, небольшая по объему, невольно останавливаетъ вниманіе стройнымъ раскрытіемъ психологическихъ мотивовъ, лежащихъ въ глубинѣ Софокловой драмы. Я думаю, что нигдѣ съ такою яркостью не вышли всѣ достоинства, и, можетъ быть, и недостатки Кудрявцева: любя вдумываться во всѣ оттънки, онъ слишкомъ долго останавливалъ читателя

на разъясненіи этихъ оттѣнковъ. Эта особенность придавала его изложенію значительную долю неопредѣленности; съ другой стороны мѣсто первоначальнаго образованія сообщило ему нѣкоторую долю реторики, отъ которой онъ не могъ до конца вполне освободиться; онъ даже говорилъ довольно цвѣтисто, чего никогда не замѣчали въ Грановскомъ.

Въ продолженіи нашего университетскаго курса Грановскій постоянно читалъ древнюю исторію, а среднюю и новую они читали поочередно. Въ чтеніи ихъ была замѣтна большая разница: курсъ Грановскаго (среднюю исторію мнѣ удалось слушать и у того, и у другаго) былъ всегда законченнымъ, равнымъ во всѣхъ частяхъ; у Кудрявцева были любимыя лица и любимыя эпохи, на которыхъ онъ останавливался съ большею подробностію и вносилъ свое сочувствіе: иногда при такомъ изложеніи слишкомъ односторонне представлялись историческія лица, они какъ-то обращались въ представителей идеи. Такъ, слѣдя за борьбой, совершавшеюся въ душѣ Лютера-монаха, профессоръ совершенно оставилъ въ сторонѣ веселаго, женатаго Лютера-реформатора и, насколько помню, недостаточно ясно указалъ на причины, почему лютеранство получило характеръ религіи образованнаго меньшинства. Съ понятнымъ неодобреніемъ представляя иконоборческія и анабаптистскія движенія въ Германіи XVI в., профессоръ не объяснилъ ихъ появленія. Вообще за очерками лицъ и развитіемъ мысли терялись у него политическія и общественныя отношенія; знакомя насъ съ характерами гуманистовъ и мистиковъ, съ подробностями ученія послѣднихъ, съ упадкомъ римской курии подъ вліяніемъ гуманизма, съ ея вопіющими злоупотребленіями, П. Н. не указывалъ ни устройства Священной Римской имперіи, ни взаимнаго отношенія сословій. Словомъ, реформація представлялась исключительно религіознымъ и умственнымъ переворотомъ, а не общественнымъ явленіемъ, являлась торжествомъ

просвѣщенія надъ невѣжествомъ. Можетъ быть, такая культурная точка зрѣнія объясняется отчасти и обстоятельствами того времени; позднѣе П. Н. обратилъ свою мысль и на политическую сторону исторіи: вѣсьмъ извѣстно, что одно время онъ велъ политическое обозрѣніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Но во всякомъ случаѣ эта стихія умственного движенія постоянно была у него преобладающею. Европейская цивилизація неизмѣнно казалась ему верхомъ развитія. Отсюда происходятъ и его непониманіе русской исторіи, и противодѣйствіе славянофильской партіи, и наконецъ нерасположеніе къ комедіи Островскаго, такъ ярко высказавшееся въ его статьяхъ въ «От. Зап.» На русскую жизнь онъ смотрѣлъ съ отрицательной стороны, видѣлъ въ ея особенности одну только дикость. «Изученіе русской исторіи совращаетъ людей съ прямого пути», сказалъ онъ разъ мнѣ лично въ одномъ памятномъ для меня разговорѣ. Любя Россію отвлеченно, желая ей добра по своему, непоколебимо благодушный, Кудрявцевъ, романтикъ и мистикъ по натурѣ, относился даже съ нѣкоторымъ, какъ бы несвойственнымъ ему, ожесточеніемъ ко всему, что не напоминало Европы. Знающіе его повѣсти вѣспомнятъ, что главная ихъ тема — гибель симпатическаго лица въ удушающей, невѣжественной и грубой обстановкѣ. Такимъ образомъ, повѣсти его были отрицательнаго направленія, хотя отрицаніе ихъ выражалось въ иной формѣ, чѣмъ позднѣйшее отрицаніе: грубо грязныхъ картинъ не любилъ изящный Кудрявцевъ. По поволу одной повѣсти онъ сказалъ въ рецензій: «когда публика наша лакомится такимъ неопытнымъ блюдомъ, какъ Адамъ Адамовичъ», и т. д. Его повѣсти были грустными элегіями, нѣсколько однообразными влѣдствіе постоянно мрачнаго колорита. Къ нимъ превосходно идетъ названіе одной изъ нихъ: «Безъ разсвѣта». Характеристично слѣдующее обстоятельство: въ Италиі, потерявъ жену, что

было для него смертельнымъ ударомъ, Кудрявцевъ писалъ повѣсть. Въ этой поэтической формѣ выражались вообще его грустныя минуты. Грановскій былъ болѣе его русскимъ человекомъ: чуткая, художественная природа подсказывала ему, что въ русской жизни есть свои особенности, что будущность русскаго народа велика, что русскій историкъ на многое долженъ взглянуть иначе, чѣмъ европейскій и что взглядъ его будетъ правильнѣе. Не Грановскій ли первый (не изъ славнофиловъ) высказалъ то мнѣнiе, что намъ нужно перестроить исторiю Византiи (это сказано въ его статьѣ о книгѣ Медовикова)? Въ послѣднiе годы онъ сталъ собирать книги по русской исторiи и читалъ все новое и кое-что старое: быть можетъ, многое перестроилось бы въ его воззрѣнiяхъ, если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ. Г. Станкевичъ указалъ уже, какъ онъ относился къ Крымской кампанiи; я, съ своей стороны, имѣлъ случай слышать отъ Грановскаго многое, что записано въ книгѣ г. Станкевича. Такимъ образомъ, эти два профессора взаимно дополняли другъ друга и сходились между собой въ томъ, что для обоихъ исторiя имѣла воспитательный характеръ; оба въ своемъ изложенiи старались дѣйствовать преимущественно на нравственное чувство, и за это имена обоихъ будутъ навѣки памятны.

Далѣе мы будемъ имѣть случай разсказать, какъ Кудрявцевъ способствовалъ личнымъ занятiямъ студентовъ; а теперь замѣчу только, что, при доступности обоихъ, мы охотнѣе ходили къ Кудрявцеву и откровеннѣе говорили съ нимъ: добродушный, свисходительный, задумчивый Кудрявцевъ не такъ пугалъ, какъ остроумный, блестящiй Грановскiй, котораго остроты, при всей его мягкости, страшили робкихъ юношей. Я остановился оттого такъ долго на Кудрявцевѣ, что онъ былъ прямымъ, непосредственнымъ учителемъ Ешевскаго. Русскую исторiю преподавалъ тогда только что начинавшiй

С. М. Соловьевъ, и рядомъ съ нимъ исторію русскаго права читалъ К. Д. Кавелинъ, въ изложеніи котораго исторія права обращалась въ исторію общественнаго быта съ преобладаніемъ юридическаго элемента: онъ даже начиналъ свою исторію (въ курсѣ 1847—48 г., послѣднемъ изъ читанныхъ въ Москвѣ) изложеніемъ общественнаго, юридическаго и религіознаго быта древнихъ Славянъ. Подъ вліяніемъ его чтеній у многихъ молодыхъ людей сложилось убѣжденіе, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполнѣ выражаетъ собою все историческое движеніе. Впрочемъ мнѣніе это тогда высказывалось и за университетскими стѣнами. Подъ вліяніемъ подобнаго мнѣнія зашелъ я разъ (въ 1847 г.) къ М. П. Погодину и началъ развивать ему эту мысль. Выслушалъ меня М. П. и отвѣтилъ мнѣ одной фразой, вѣрность и глубину которой я понималъ только гораздо послѣ: «А св. Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ характеромъ?» Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣтъ св. Сергія, т. е. всю нравственную, всю религіозную сторону общественнаго сознанія? Но тогда мы не поняли этого слова и увлекались одностороннимъ, но стройнымъ развитіемъ, которое представлялось намъ въ лекціяхъ К. Д. До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти также молодъ, какъ и его студенты, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатами, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный заветною смѣной трехъ началъ, родоваго, вотчиннаго и государственнаго, вполнѣ передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать.

Ешевскій не былъ обязанъ слушать Кавелина, но иногда заходилъ въ его аудиторію и зачитывался его статьями. Обаяніе на всѣхъ было полное. Преподаваніе С. М. Соловьева, и тогда уже болѣе строгое и точное, менѣе сильно дѣйствовало на насъ, хотя мы оба акуратно посѣщали и тщательно записывали его лекціи. Преподаваніе это, приуроченное къ уровню большинства, и чисто фактическое, давало мало новаго намъ, порядочно уже знакомымъ съ историческою литературой, отчасти знавшимъ и источники. Только спеціальные курсы, читанные профессоромъ на IV курсѣ историко-филологическаго факультета, сообщили много новаго: такъ въ одинъ годъ было прочитано время первыхъ Романовыхъ, въ другой Петръ, въ третій время послѣ Петра, кажется до Екатерины. Это былъ послѣдній годъ Ешевскаго въ университетѣ.

Изъ предметовъ, близко связанныхъ съ исторіей, Ешевскій выслушалъ два курса П. М. Леонтьева, о греческой міеологіи въ связи съ искусствомъ (впослѣдствіи П. М. читалъ другой курсъ, сравнительной міеологіи) и о римскихъ древностяхъ, курсъ О. М. Бодянскаго, курсъ исторіи философіи М. П. Каткова и два курса С. П. Шевырева исторіи Всеобщей и Русской литературы. Сколько я помню, изъ этихъ курсовъ особенное впечатлѣніе оставили курсъ римскихъ древностей и исторіи философіи. Римскія древности (преимущественно общественныя и государственныя) приносили, кромѣ богатства фактовъ и легкости систематическаго изложенія, одну чрезвычайно плодотворную мысль: они наглядно представляли существенную важность такъ называемой внутренней исторіи, преимущественно экономической, на которую тогда у насъ обращали еще такъ мало вниманія. Думаю, что въ позднѣйшей дѣятельности Ешевскаго это впечатлѣніе ранней молодости далеко не осталось безплоднымъ *).

*) Я, слушавшій лекціи С. В. Ешевскаго въ Московскѣмъ университетѣ

римскаго права, было въ лекціяхъ г. Леонтьева чрезвычайно много новаго и свѣжаго именно потому, что онъ выдвинулъ на первый планъ экономическій вопросъ. Эти лекціи легли въ послѣдствіи въ основаніе рѣчи, произнесенной профессоромъ въ одномъ изъ торжественныхъ собраній Московскаго университета. Лекціи М. Н. Каткова имѣли въ ту эпоху особое обаяніе: онъ излагалъ намъ стройно и изящно Шеллингову систему миѳологіи; всѣ дивились необыкновенному умѣнью сжатыми и рѣзкими чертами наглядно передавать самыя отвлеченныя представленія; съ этой стороны особенно ярко помнится лекція, въ которой передано было ученіе Шеллинга о первой порѣ религіознаго сознанія, о поклоненіи богу ходячаго неба (Урану, Сварогу). Изъ этихъ лекцій вынесли мы сознаніе историческаго значенія религіознаго процесса, его вліянія на судьбу и развитіе человѣчества, его первостепенной важности исторической. Здѣсь преимущественно научились мы понимать, какъ стройно все связано въ поступательномъ движеніи; отъ системы можно отказаться, можно понимать такъ или иначе это движеніе; но отрицать его уже нельзя. Таковы были наши учителя и таково было ученіе, которое мы выносили изъ нашихъ студенческихъ лѣтъ. Много было отвлеченно въ ту эпоху, многое неприменимо къ жизни, многое не годилось для русскаго общества; но мысль привыкала къ работѣ, смотрѣла съ разныхъ сторонъ на одно и то же явленіе и вырабатывалось убѣжденіе въ томъ, что только разностороннее воззрѣніе можетъ привести къ истинѣ. Нельзя остановиться только на одной ступени развитія; но

въ первые два года по его пріездѣ въ Москву, могу засвидѣтельствовать справедливость этого предположенія. Въ этомъ читатель можетъ и самъ убѣдиться: слышанные мною курсы помѣщены въ I части этого изданія, подъ названіями: «Центръ римскаго міра и его провинціи» и «Очерки языка и христіанства». А. Т.

нельзя же не сказать, что та ступень, которую мы тогда переживали, была въ высшей степени плодотворна для насъ, и святыя впечатлѣнія молодости никогда не изгладятся изъ памяти.

Студенчество въ наше время не представляло той корпорации, которая существовала раньше и которую стремились, но безплодно, возсоздать позднѣе. Ешевскій, пріѣхавшій изъ Казани, гдѣ въ то время студенты были тѣсно связавы между собою, гдѣ существовала между студентами взаимная помощь и студенчество составляло своего рода масонство, гдѣ были у студентовъ общія пѣсни, сборникъ которыхъ былъ и у Ешевскаго, не могъ надивиться разрозненности московскихъ студентовъ, главною причиною которой была, разумѣется, ихъ многочисленность, но на которую сильное вліяніе имѣла обширность столицы и разобщеніе ея кружковъ. Въ наше время только студенты одного курса (и то не на всѣхъ факультетахъ: юристовъ перваго курса въ 1847—48 г. было 200 человекъ) сходились между собою. Первымъ звеномъ соединенія было обыкновенно добываніе лекцій къ экзамену: при множествѣ предметовъ каждый записывалъ только одинъ, много два, остальное доставалось; общихъ студентскихъ пирушекъ не бывало и повеселиться сходились люди только знакомые. Оттого скоро образовывались небольшіе кружки, которые иногда знакомились между собою частью на вечеринкахъ у случайныхъ товарищей по гимназій, по родству и т. п., частью въ пріемные дни у нѣкоторыхъ профессоровъ. Студенты тогда были вообще двухъ родовъ: одни занимались, другіе кутили и рѣдко бывали на лекціяхъ, хотя между этими послѣдними были часто очень даровитые, на экзаменахъ опережавшіе другихъ. Мы оба были знакомы болѣе съ людьми перваго рода, и студенческіе вечеринки были не часты между нами. Когда мы сходились,

разговоръ принималъ болѣе или менѣе серьезный оборотъ: толковали о томъ, что кому случилось прочитать, спорили. Часто разговоръ переходилъ на тогдашнее волненіе умовъ, котораго, особенно въ качествѣ запретнаго плода, никто изъ насъ хорошенько не понималъ, и оттого многое дѣйствовало обаятельно, а спросить у старшихъ не всегда было возможно, или получишь уклончивый отвѣтъ, или никакого не получишь. Впрочемъ сколько я теперь помню, Ешевскій тогда мало интересовался современными вопросами.

Здѣсь однако я забѣжалъ впередъ, къ 1849 г., а когда мы начали нашу московскую жизнь былъ 1847 г. Самое начало 1848 г. только ошеломило насъ, и мы ровно ничего не понимали: въ эту эпоху мы даже газетъ не читали постоянно. Ешевскій тогда занимался преимущественно русскою исторіей: курсовымъ его сочиненіемъ для С. П. Шевырева было разсужденіе о заслугахъ Ломоносова въ русской исторіи. Гдѣ теперь это сочиненіе, не знаю; помню только, что въ немъ было обращено вниманіе на толкованіе разныхъ мѣстъ источниковъ историками до Ломоносова и послѣ него. Особенно много хлопотъ стѣсило Ешевскому знаменитое мѣсто Олегова договора: «и жена (*иже на* или *и жена*) убившаго», и пр. Я познакомился тогда съ М. П. Погодинымъ и познакомилъ съ нимъ Ешевскаго. Къ нему мы обратились за совѣтомъ, какъ начать занятія? «Читайте Шлецера», сказалъ Погодинъ, и вотъ мы принялись читать Шлецера; читали его мѣсяца три и, прочитавъ, говорили о прочитанномъ, запоминали, соображали съ тѣмъ, что уже знали. Тогда Ешевскій заделъ себѣ книгу, въ которой сталъ собирать тексты русскихъ и иностранныхъ лѣтоисцевъ, касающіеся русской исторіи. Впрочемъ дѣло остановилось, сколько помню, на Игорѣ. Въ томъ же 1847 г. М. П. указалъ намъ еще работу: его занималъ вопросъ о томъ, съ какого времени начинается разница въ

спискахъ лѣтописей, и потому онъ считалъ нужнымъ сличить извѣстія первыхъ двадцати лѣтъ послѣ 1111 г., гдѣ стоитъ Селивестрова приписка. Это сличеніе взяли мы на себя; проработали много, но работа оказалась неудовлетворительною, потому, разумѣется, что самые приемы для насъ были неясны: мы сдѣлали сводъ однородныхъ извѣстій по всѣмъ напечатаннымъ спискамъ, а надо было ярче обозначить разницу. Словомъ, дѣло остановилось на черновой работѣ.

Кромѣ занятій по русской исторіи, Ешевскій въ ту эпоху читалъ много латинскихъ поэтовъ, въ особенности Виргилія и Плавта, котораго тогда комментировалъ покойный Шестаковъ. Ешевскій прочелъ въ зиму всего Плавта. По гречески онъ не занимался, не имѣя предварительной подготовки, да и требованія были велики: Гофманъ задалъ ему написать объ условномъ и желательномъ наклоненіи въ Одиссеѣ; Ешевскій написалъ это сочиненіе (по лагыни) съ помощью синтаксиса самого Гофмана и двухъ грамматикъ, при чемъ угодилъ профессору тѣмъ, что сохранилъ его мысль о субъективномъ значеніи одного изъ этихъ наклоненій и объективномъ другаго. Хорошій баллъ Гофмана былъ ему щитомъ отъ дурныхъ балловъ на старшихъ курсахъ: такъ онъ и не выучился по гречески, о чемъ сильно жалѣлъ. Въ срединѣ года мы поселились вмѣстѣ; я привезъ изъ деревни довольно большое (для студента) собраніе книгъ по русской исторіи и помню, что Ешевскій тогда принялся читать записки XVIII в. (Шаховскаго, Данилова, Грибовскаго, Манштейна), которыя нашлись въ этомъ собраніи. Всеобщей исторіей Ешевскій еще не думалъ заниматься тогда: Грановскій читалъ въ этомъ году только въ началѣ, а потомъ захворалъ и пересталъ ходить на лекціи; Кудрявцевъ въ началѣ какъ-то мало нравился, и я помню, что Ешевскій, только готовясь къ экзамену, почувствовалъ большое уваженіе къ его преподаванію и сталъ говорить о немъ иначе, чѣмъ въ началѣ

курса, когда впрочемъ Кудрявцевъ отталкивалъ слишкомъ мелко-подробнымъ изложеніемъ переселенія народовъ и совершеннымъ отклоненіемъ широкихъ картинъ, въ которыхъ Грановскій былъ художникомъ; въ преподаваніе Кудрявцева, какъ и въ лице его, надо было вѣмотрѣться, чтобы оно начинало нравиться. Перешедши на III курсъ, Ешевскій познакомился съ Кудрявцевымъ, который обратилъ на него вниманіе на переходномъ экзаменѣ, убѣдившись по отвѣтамъ, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ, не только заучивающимъ лекціи, но и думающимъ объ ихъ содержаніи. Подъ вліяніемъ Кудрявцева, Ешевскій сталъ заниматься среднею исторіей и началъ ее съ эпохи Меровинговъ: блестящіе очерки Августина Тьерри указали ему главный источникъ, Григорія Турскаго; Кудрявцевъ настаивалъ тоже на томъ, чтобы этотъ лѣтописецъ былъ изученъ. Томъ Букетовскаго собранія добытъ, и Ешевскій засѣлъ за чтеніе его; дѣлалъ выписки, составлялъ указатель предметовъ.

Работалъ онъ неутомимо: живо помню, какъ часто онъ пѣлую ночь не гасилъ своей свѣчи. Вмѣстѣ съ изученіемъ Григорія Ешевскій читалъ французскихъ историковъ, избравшихъ эту эпоху: Августина Тьерри, Гизо, Легоеру, Фориеля, и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Такъ подготовлялось его кандидатское разсужденіе «Григорій Турскій», во введеніи къ которому замѣтно сильное вліяніе Гизо; въ этомъ введеніи разсматриваются три главные элемента новаго міра: Римъ, варвары и христіанство; за тѣмъ слѣдовала біографія Григорія и исторія времени по его сочиненію. Знакомство съ источниками (кромѣ Григорія прочитаны были и другіе лѣтописцы этого тома Букетовскаго собранія) и съ литературой, живое и правильное изложеніе обратили на себя вниманіе и Грановскаго, съ которымъ влѣдствіе того и сблизился Ешевскій по окончаніи курса. На III-мъ же курсѣ Ешевскій, занимаясь

преимущественно средними въками, читалъ и римскихъ историковъ: тогда были прочитаны Тацитъ, Аммианъ Марцелинъ и *Scriptores Historiae Augustae*; тогда же прочитано было нѣсколько сочиненій по другимъ частямъ средней исторіи (исключительно французскихъ), между прочимъ Гиббонъ. Усиленные занятія разстроили его здоровье, и безъ того слабое, и лѣтомъ 1849 г. онъ поѣхалъ въ башкирскую степь пить кумысъ, взявши съ собою кое-какія книги по всеобщей исторіи (беллетристовъ онъ читалъ мало, и то почти исключительно поэтовъ).

Я помню, какъ оживленно рассказывалъ Ешевскій по возвращеніи о степи и верховой ѣздѣ, какъ юмористически представлялъ степное гостепріимство: сованіе въ ротъ кусковъ мяса въ знакъ уваженія и т. п. Онъ возвратился совсѣмъ поправившись; но осенью этого года постигъ его нравственный ударъ, который снова пошатнулъ его здоровье, хотя еще усиленнѣе заставилъ его приняться за работу: онъ все болѣе и болѣе дѣлался специалистомъ, не только исторіи, но и извѣстнаго періода, времени Меровинговъ. Еще раньше въ нашихъ разговорахъ высказывалъ онъ ту мысль, что только долгое и пристальное изученіе одного предмета дѣлаетъ чело-вѣка чело-вѣкомъ и что начинать непремѣнно надо съ частностей. Этому воззрѣнію онъ остался вѣренъ всю жизнь и нерѣдко, завлекаясь тѣмъ или другимъ вопросомъ, снова возвращался къ своимъ любимымъ Меровингамъ, видя въ этой порѣ, и совершенно основательно, начало новой европейской жизни; главныя его занятія ограничивались такимъ образомъ періодомъ послѣднихъ римскихъ императоровъ и первыхъ варварскихъ королей. Этому періоду посвященъ и конченный его трудъ: «К. С. Аполинарій Сидоній» и предполагавшаяся докторская диссертация о Брунегильдѣ, для которой онъ между прочимъ много работалъ въ парижской библіотекѣ. Ему же

посвящены были три года его университетскихъ чтеній въ Москвѣ. Этимъ принятымъ, такъ сказать, на себя обязательствомъ Ешевскій сдерживалъ свою пылкую, впечатлительную природу: интересовало его въ сущности очень многое, и даже, желая знать все для него интересное тщательно и добросовѣстно, онъ вдавался иногда и въ другіе вопросы съ тѣмъ же жаромъ, съ которымъ занимался главнымъ. Отсюда происходитъ видимое противорѣчіе, многихъ заставлявшее думать, что въ сущности онъ раскидывался; но такое возрѣніе несправедливо. Сознавая ясно, что ни одного историческаго вопроса нельзя изучить отрѣшенно отъ другихъ, Ешевскій занимался иногда многимъ; могъ и увлекаться по природѣ своей; но постоянно возвращался къ одному. Дальше мы увидимъ, что многія занятія его условливались и внѣшними обстоятельствами. Другіе, наоборотъ, считали Ешевскаго по природѣ узкимъ специалистомъ вслѣдствіе того, что по разсудку онъ старался ограничить себя извѣстною спеціальностію. Такой взглядъ тоже ошибоченъ. Ешевскій повторяю, интересовался очень многимъ: чтò бы любопытнаго ни попало ему на пути, онъ непремѣнно остановится и начнетъ добиваться смысла; но онъ умѣлъ ограничивать свои увлеченія. Вѣроятно, въ то время уже сложился у него планъ вести преподаваніе исторіи постепенными спеціальными курсами, ибо и тогда уже онъ не разъ говаривалъ, что тѣмъ или другимъ займется послѣ и удивлялъ тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые интересовались преимущественно ближайшими къ намъ эпохами, своимъ упорнымъ требованіемъ среднихъ вѣковъ. Если бы онъ зналъ по гречески, онъ, можетъ быть, началъ бы съ греческой исторіи; но при знаніи только латинскаго языка онъ не могъ и идти иначе. Конечно, много значить также и вліяніе Кудрявцева.

Въ 1850 г. Ешевскій кончилъ курсъ и осенью того же года получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ младшихъ

классахъ московскаго Николаевскаго института. Скоро явились и другіе уроки. Черезъ годъ писалъ онъ ко мнѣ въ деревню: «У меня теперь 18 уроковъ въ недѣлю, и не знаю, отъ непривычки или отъ чего-нибудь другаго, но я устаю страшно. Лучшее время тратишь на эти обязательныя занятія и приходишь домой съ усталою головою, часто совершенно неспособный для своихъ занятій. Притомъ еще обстоятельство, которое мнѣ ужасно досадно. Вездѣ древняя исторія. Наконецъ это несносно: на Солянкѣ и въ Воспитательномъ домѣ, на Тверскомъ бульварѣ и у Арбатскихъ воротъ повторять одно и то же. Еще счастье, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно уклониться отъ общей схемы и дать себѣ волю поговорить, не стѣняясь узенькими рамками преподаванія. Такіе случаи впрочемъ рѣдки. Я стараюсь помогать чѣмъ-нибудь этому несносному положенію. Напримѣръ, я принялъ за правило передъ каждымъ урокомъ въ институтѣ изъ римской исторіи прочитывать соотвѣтствующія главы изъ Тита Ливія и т. п.». Такъ серьезно смотрѣлъ онъ на свое дѣло. Онъ не говоритъ въ этомъ письмѣ, но я навѣрное знаю, что все лучшіе учебники были имъ перечитаны; далѣе самъ онъ въ томъ же письмѣ говоритъ, что одолѣлъ Шлосера и читаетъ *Vorträge über die alte Geschichte* Нибура. Уроки его были чрезвычайно интересны; онъ старался внушать ученицамъ любовь къ занятіямъ: давалъ книги, заставлялъ дѣлать письменные отчеты, составлялъ самъ для нихъ записки. Эти записки были готовы къ печати, но не явились по случайнымъ обстоятельствамъ. Уроки, утомляя его физически и, быть можетъ, подрывая здоровье, въ нравственномъ отношеніи были до извѣстной степени полезны; самый успѣхъ уже ободрялъ и вызывалъ на новые труды. Эти же уроки дали ему возможность запастись книгами: «Ты вѣрно удивишься, писалъ онъ ко мнѣ осенью 1852 г., когда я скажу тебѣ, что у меня по всеобщей исторіи болѣе

300 томовъ на выборъ: весь Форіель, Тьерри, Гизо, Нибуръ, Гротъ, Маколей, Ранке и т. д. Это единственная хорошая сторона моей рабочей жизни».

Съ 1851 года начинается его литературная дѣятельность статьями о трудѣ П. Н. Кудрявцева, помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; подробная рецензія этой книги назначалась для «Современника», и первая половина ея, заключающая въ себѣ изложеніе книги съ нѣкоторыми замѣчаніями между прочимъ о характерѣ Теодориха, котораго Кудрявцевъ слишкомъ идеализировалъ и котораго Ешевскій вводитъ въ рядъ другихъ варварскихъ вождей, подчинившихся римскому вліянію, была доставлена весной 1851 года въ редакцію. Осенью этого года вотъ что писалъ мнѣ Ешевскій: «Я передалъ первую статью (сокращенную и нѣсколько измѣненную) Панаеву, который далъ *честное слово* мнѣ и потомъ Т. Н. Г., что она будетъ напечатана тотчасъ же по полученіи. Я ждалъ и не посылалъ второй статьи. Кончилось дѣло тѣмъ, что первая осталась въ кладовой «Современника», вторая у меня въ конторкѣ. Я не получалъ ни малѣйшаго извѣстія отъ редакціи. Говорилъ только Т. Н. (Грановскій), который очень оскорбленъ этимъ поступкомъ, что редакція находитъ эту статью слишкомъ серьезной для нашей публики, для которой потребны легкія статьи, въ родѣ писемъ о русской журналистикѣ новаго поэта, достойно замѣнившаго Дружинина». А между тѣмъ для этой второй статьи, долженствовавшей заключать въ себѣ разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, поднятыхъ Кудрявцевымъ въ его книгѣ, преимущественно вопроса о происхожденіи средневѣковой общины, употреблено было Ешевскимъ много труда: «почти все лѣто, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, т. е. до конца іюля я проработалъ надъ второю статьей о «Судьбахъ Италіи». Написавши ее въ первый разъ, я изорвалъ, когда прочиталъ

критику Тимоѳея Николаевича (Грановскаго въ «Отеч. Зап.», вошла и въ Сочиненія), и передѣлалъ совершенно или, лучше сказать, написалъ снова. Не думай впрочемъ, чтобы рецензія Т. Н. заставила меня перемѣнить свои мысли о развитіи городовъ въ Италіи. Мнѣ кажется, онъ мало обратилъ вниманія на новыя изслѣдованія. Слишкомъ занятый авторитетомъ Савиньи, онъ всё доказательства беретъ изъ его же книги, между тѣмъ какъ, мнѣ кажется, самъ Савиньи теперь искалъ бы новыхъ въ защиту своего мнѣнія.» Такое сужденіе о Грановскомъ въ то время могло бы показаться дерзостію. Такъ великъ былъ авторитетъ Грановскаго! Ешевскому дѣлаетъ большую честь, что въ этомъ случаѣ онъ не сталъ на сторонѣ Грановскаго. Нѣсколько раньше Ешевскаго постигла другая литературная неудача: онъ написалъ статью о русскихъ пѣсняхъ, въ которой, подъ вліяніемъ начинавшихся тогда толковъ о мифологіи, хотѣлъ представить, отчасти исторически, состояніе двоевѣрія въ русскомъ народѣ. Статья эта была доставлена въ «Отеч. Зап.» и не напечатана, не помню подъ какимъ предлогомъ. Въ 1852 г. его статьи уже появляются въ «Отеч. Зап.». Тогда онъ напечаталъ обзорнѣе исторической литературы за 1851 г. и рецензію лекціи Грановскаго. Первою статьею онъ самъ былъ очень не доволенъ, хотя она была не хуже статей подобнаго рода, помѣщавшихся въ журналахъ, а для начинающаго была и очень хороша, хотя, правда, статья его о книгѣ г. Рославскаго въ «Моск. Вѣдомостяхъ» была лучше по изложенію, такъ какъ въ обзорнѣи исторической литературы замѣтна торопливость. Въ жизни Ешевскаго, сколько я знаю по его письмамъ и по разсказамъ, это время было хорошимъ временемъ, хотя къ этой же порѣ относится утрата нѣкоторыхъ дружески связанныхъ съ нимъ лицъ. Вообще онъ былъ любимъ и родными, и тѣми семьями, гдѣ онъ давалъ уроки, и литературнымъ

кружкомъ, къ которому примкнулъ. Центромъ этого кружка, въ которомъ постоянно жилъ Кудрявцевъ, куда часто являлся Грановскій и гдѣ бывали все, кромѣ слафианфиловъ, была въ то время умная женщина, отличавшаяся большою начитанностью, много видѣвшая. Въ ея пріятномъ обществѣ можно было не всегда играть въ карты, что въ то время составляло по неволѣ развлеченіе многихъ умныхъ людей. Были въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя крайности западнаго направленія; но тогда они не такъ рѣзко поражали, какъ поразили бы теперь. Но зато въ этомъ кружкѣ строго осуждалась легкость, пустозвонство, выражалось уваженіе къ наукѣ и серьезной литературѣ, употреблялись все усилія не пасть нравственно, словомъ, жилъ тотъ духъ московскаго университета, о которомъ я уже говорилъ.

Труды преподавательскіе, срочная литературная работа, приготовленія къ магистерскому экзамену, для котораго онъ читалъ страшно много, сломили его здоровье и въ началѣ 1853 г. онъ вытерпѣлъ сильную горячку. Мысль его до того была занята всеѣмъ читаннымъ въ послѣднее время, что, по свидѣтельству родственницы его, часто навѣщавшей больного, въ бреду онъ все рассказывалъ содержаніе книги Гуртера: «Geschichte Innocenz III». Медленно выздоравливая, Ешевскій провелъ лѣто въ Нижнемѣ, и осенью этого же года былъ назначенъ адъюнктомъ по кафедрѣ русской исторіи и русской статистики въ Рижельевскій лицей на мѣсто Н. Н. Мурзакевича, получившаго должность директора этого лицея. вмѣстѣ съ Ешевскимъ поѣхали туда же два другіе молодые профессора, А. В. Лохвицкій и А. М. Богдановичъ, которые и составили свой особый кружокъ. Тяжела была на первое время жизнь Москвичей въ новомъ для нихъ городѣ: жалованье незначительное, книгъ нѣтъ. Вотъ что писалъ Ешевскій П. Н. Кудрявцеву по этому поводу: «Здѣшняя бібліотека

хуже гимназической; да и то, что есть, испорчено. Здѣсь городъ промышленный и потому въ самомъ лицѣ образовалась своего рода промышленность. Всѣ лучшія статьи въ журналахъ вырваны и украдены. Отъ этой бѣды не ушелъ даже горный журналъ, не смотря на то, что онъ сданъ въ бібліотеку неразрѣзаннымъ. Стыдно сказать, что въ этомъ главную роль играютъ не студенты. И теперь еще остался одинъ главный промышленникъ такого рода. Частію по моему требованію, журналы, лежащія въ профессорской, заковали въ станки. Если не поможетъ, придется приковывать ихъ, какъ средневѣковыя бібліи на цѣпь. Такимъ образомъ Сергій Михайловичъ (Соловьевъ) обезпечилъ меня главными источниками». С. М. прислалъ Ешевскому изъ Москвы свои важнѣйшія изданія по русской исторіи. Соединеніе двухъ разнородныхъ предметовъ было тоже тяжело для Ешевскаго. «Вотъ уже два съ половиною мѣсяца, пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, какъ я читаю лекціи, и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ своему положенію. Право безсовѣстно наложить на молодаго преподавателя шесть часовъ и два совершенно разные предмета. Все время уходитъ только на то, чтобы сколько-нибудь приготовиться къ лекціи, чтобы прочесть ее, не краснѣя передъ слушателями. Писать лекціи нѣтъ никакой возможности. Я составляю только самый подробный конспектъ изъ статистики. Изъ русской же исторіи не успѣваю и того дѣлать. Страшно неловкое положеніе. Изъ статистики я учусь въ одно время съ студентами. Недавно былъ у меня одинъ студентъ третьяго курса, оставленный на второй годъ Мурзакевичемъ, и въ разговорѣ высказалъ мнѣ общее удивленіе курса, отчего я цѣлыя 16 лекціи читалъ о народонаселеніи. Я объяснилъ причину: передъ начатіемъ лекціи я зналъ объ этомъ предметѣ столько же, сколько и они. Я рѣшился читать статистику подробно, собирая и сводя все, что могу

найти въ официальныхъ источникахъ, и, мнѣ кажется, только этимъ путемъ мнѣ удастся совладать съ предметомъ». Что не пройдено, то предполагалъ Ешевскій заставить студентовъ приготовить по книгѣ И. Я. Горлова. Полный курсъ онъ намѣренъ былъ составить только черезъ два года. Конспекта я не нашелъ въ бумагахъ покойнаго; но нашелъ много выписокъ, замѣтокъ, указаній статей этнографическихъ и статистическихъ, относящихся, очевидно, къ этому времени.

Курсъ исторіи тоже стоилъ большихъ работъ; курсъ этотъ потому былъ въ особенности затруднителенъ Ешевскому, что онъ долженъ былъ быть общимъ, обнимать всю русскую исторію до послѣдняго времени и оканчиваться, если не ошибаюсь, въ теченіе одного года. Ешевскій не довель курса до конца и, кажется, прочелъ только до Петра В., остановившись долго на литературѣ исторіи и на бытѣ Славянъ русскихъ. Сколько помню, по тетрадкамъ, которыя я когда-то проглядывалъ у одного изъ одесскихъ студентовъ того времени, курсъ этотъ былъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ еще недавнихъ лекцій С. М. Соловьева: родовыя отношенія князей занимали главное мѣсто въ изложеніи періода удѣльнаго; въ изложеніи литературы Ешевскій тоже былъ подъ вліяніемъ г. Соловьева. Не безъ вліянія на Ешевскаго, какъ и на многихъ въ то время, оставался и Н. В. Павловъ, котораго оба мы часто встрѣчали у П. Н. Кудрявцева въ 1849 г., когда г. Павловъ пріѣзжалъ въ Москву держать экзаменъ и защищать свою докторскую диссертацию; въ этой диссертациі г. Павловъ доводитъ теорію родового быта до послѣдней крайности. Его сужденія о тѣхъ или другихъ произведеніяхъ исторической литературы казались очень основательными. Въ Кіевѣ, проѣзжая въ Одессу, Ешевскій тоже видѣлся съ Павловымъ. Это вліяніе впрочемъ прошло скоро, не оставивъ и слѣда. Въ изложеніи міеологіи, какъ я убѣдился изъ разговоровъ съ Ешевскимъ, онъ старался

подвести результаты появившихся тогда трудовъ Кавелина, Аонасьева, Буслаева, Срезневскаго подъ Шеллингову схему. Шеллингова философія міеологіи была, какъ я уже сказалъ, распространена у насъ преподаваніемъ Каткова. Чтобы познакомиться съ нею поближе, мы читали лекціи Шеллинга, записанные Кудрявцевымъ, такъ какъ книги самого Шеллинга еще не появлялось тогда. Посреди трудовъ преподавательскихъ Ешевскій не оставлялъ своихъ собственныхъ работъ и готовилъ матеріалы для диссертациі. Сначала онъ колебался между двумя предметами: Сидоніемъ Аполлинаріемъ и Брунегильдою; въ началѣ учебнаго года онъ писалъ Кудрявцеву, что думаетъ остановиться на Брунегильдѣ. Но въ концѣ года рѣшился оставить эту тему потому, что она все расширялась въ его представленіи: ему хотѣлось свести здѣсь поэтическіе рассказы съ дѣйствительностью историческою, что сдѣлано было Амедеемъ Тьерри для Аттилы. Обширность изслѣдованій для такой задачи заставила его обратиться къ другой темѣ, для которой у него былъ уже собранъ достаточный запасъ матеріала. Съ этимъ-то матеріаломъ въ маѣ 1854 года Ешевскій пріѣхалъ въ Москву и приступилъ къ магистерскому экзамену, половина котораго и была окончена въ маѣ.

Лѣто Ешевскій провелъ въ Нижнемѣ, гдѣ написалъ первую главу своего Сидонія. Осенью написано было остальное и началось печатаніе, которое окончено только въ мартѣ 1855 г.; диспутъ же былъ 12-го апрѣля. Дѣло затянулось отъ разныхъ причинъ, между прочимъ оттого, что тогдашній деканъ С. П. Шевыревъ просматривалъ диссертацию весьма медленно, занятый трудами по приготовленію юбилея и потомъ, опасаясь то того, то другаго мѣста, обращался нерѣдко къ помощи профессора богословія Н. М. Терновскаго, который впрочемъ былъ очень благосклоненъ къ книгѣ. Ешевскій рассказывалъ

иронически о своихъ препирательствахъ съ Шевыревымъ, а дѣло все-таки двигалось медленно. Затруднительно было въ началѣ и то, на какія деньги печатать, но это затрудненіе устранилъ Т. Н. Грановскій, доставившій деньги на изданіе. Пока книга печаталась, срокъ отпуска истекалъ, изъ Одессы звали Ешевскаго, онъ не ѣхалъ, и въ это время, хотя еще не было въ виду мѣста, твердо рѣшился не возвращаться въ Одесу. Вслѣдствіе того онъ цѣлый годъ не имѣлъ службы.

«К. С. Аполлинарій Сидоній» самое обработанное, самое лучшее изъ сочиненій Ешевскаго. Время, которое онъ выбралъ, и самое лице занимали его много лѣтъ: я уже сказалъ, что еще въ университетѣ онъ преимущественно занимался этимъ временемъ, и даже когда у С. П. Шевырева были студенческіе литературные вечера, Ешевскій, бывший тогда на III-мъ курсѣ, читалъ свою статью о Сидоніѣ. Потому и не удивительно, что книга, написанная въ такой короткій срокъ, вышла такъ удовлетворительна. Сочиненіе это сразу поставило своего автора на видное мѣсто въ немногочисленномъ кругу лицъ, занимающихся всеобщей исторіей. На диспутѣ Грановскій и Кудрявцевъ встрѣтили его большими похвалами; самыя возраженія, сколько теперь помню, были только частныя. Рецензенты, профессоръ Делленъ (въ «Отчетахъ по присужденію Демидовскихъ премій»), П. Н. Кудрявцевъ (въ «Отеч. Зап.»), Е. М. Θεоктистовъ (въ «Современ.») отнеслись къ ней чрезвычайно благосклонно. Словомъ, книга имѣла успѣхъ, и успѣхъ вполне заслуженный.

Книга Ешевскаго, названная эпизодомъ изъ литературной и политической исторіи Галліи V в., даетъ гораздо болѣе, чѣмъ общаетъ: это полная картина хаотическаго состоянія Галліи въ ту эпоху. Съ замѣчательнымъ искусствомъ выбрано такое лице, около котораго можно было сгруппировать всѣ черты быта того времени. Аристократъ и литераторъ,

политическій дѣятель и епископъ, Сидоній въ жизни своей сталкивался со всеми разнородными элементами того общества, въ которомъ дѣйствовалъ, и все они отразились въ его сочиненіяхъ: онъ былъ въ сношеніяхъ съ литераторами, съ аристократами, съ римскими императорами, съ варварскими королями и съ высшими представителями христіанскаго міра, епископами. Для полнаго пониманія и полной оцѣнки его необходимо было представить въ отдѣльности все эти моменты, что и исполнено чрезвычайно удачно, безъ всякой натяжки. Описаніе молодости Сидонія вызываетъ картину жизни высшаго общества Галліи и тогдашней націи и литературы, которыхъ онъ самъ былъ лучшимъ представителемъ; политическая дѣятельность Сидонія требуетъ для объясненія своего характеристики послѣднихъ императоровъ, для которой важнымъ матеріаломъ являются его же панегирики и письма; его епископство вводитъ автора въ кругъ тогдашняго духовенства и вызываетъ характеристику направленія его духовной дѣятельности, представляющей въ то же время противоположность съ направленіемъ свѣтской литературы; героическая защита Оверни вызываетъ характеристику варваровъ и ихъ врага Эклидія, «послѣдняго Римлянина и перваго рыцаря», по счастливому выраженію Ешевскаго. Таково внѣшнее расположеніе книги, вполне соответствующее ея внутреннему содержанію. Главнымъ центромъ остается Сидоній. Въ изученіи и изображеніи Сидонія сказался ученикъ Кудрявцева: высоко-правственное начало поставлено тутъ мѣриломъ личности; ни блестящая защита Оверни, ни относительное литературное достоинство произведеній Сидонія, ни то обстоятельство, что безъ его произведеній мы многого бы не знали, не спасли его отъ строгаго приговора. Но приговоръ не оказывается несправедливымъ, потому что рядомъ съ слабохарактернымъ Сидоніемъ является Римлянищъ стараго закала Эклидіій: его-то

энергическому вліянію приписываетъ авторъ и дѣятельность Сидонія по защитѣ Оверни. Этимъ вѣроятнымъ предположеніемъ онъ избѣгаетъ раздвоенія характера, что необходимо было признать, приписывая заслугу подвига самому Сидонію. Съ другой стороны, рисуя положеніе общества, авторъ снимаетъ съ характера Сидонія часть обвиненія, ибо объясняетъ, какъ тяжелы были условія жизни въ то время, когда люди высшаго нравственнаго закала дорожили легкомысленнымъ Сидоніемъ, когда въ дружескихъ сношеніяхъ съ нимъ были представители строго-христіанской мысли, и онъ оставался полужычникомъ. Въ связи съ этимъ облегчающимъ обстоятельствомъ стоитъ и другое, характеръ тогдашняго образованія, чисто внѣшняго и риторическаго; картина этого образованія чрезвычайно удалась Ешевскому. Надъ всѣми этими достоинствами книги подымается еще одно: автору удалось ясно выставить тѣ черты разрушающагося общества, въ которыхъ сказываются начала новой жизни; онъ указываетъ намъ вліяніе епископовъ на королей варварскихъ, обаяніе на нихъ римской образованности, указываетъ въ укрѣпленіяхъ галло-римской аристократіи зародыши феодальныхъ замковъ. Нѣсколько разъ мысль о томъ, что въ тотъ моментъ мы присутствуемъ не при смерти, а при перерожденіи общества, высказывается прямо, не прямо она составляетъ главную мысль всей книги и главное ея достоинство (это было указано П. Н. Кудрявцевымъ). Намъ могутъ сказать, что эта мысль старая. Конечно такъ; но, пользуясь трудами своихъ европейскихъ учителей, результаты которыхъ онъ впрочемъ провѣрилъ большою самостоятельною работою, Ешевскій могъ высказать эту мысль и смѣлѣе и увѣреннѣе, могъ показать ее на самыхъ фактахъ. Читая его книгу, нигдѣ не видѣли мы, чтобы онъ слѣдовалъ одному какому-нибудь изъ европейскихъ ученыхъ; даже тамъ, гдѣ онъ принимаетъ чье-нибудь мнѣніе,

онъ принимаетъ его не вслѣдствіе увлеченія тѣмъ или другимъ авторитетомъ, а съ полнымъ знаніемъ дѣла. Выбранный имъ предметъ представлялъ самъ собою трудно преборимое препятствіе, пониманіе языка самого Сидонія; препятствіе это въ значительной степени было побѣждено: извлеченія изъ Сидонія переданы ясно и даже часто изящно. Профессоръ Делленъ, указывая на ошибки въ переводѣ многихъ выраженій, признаетъ трудность задачи, надъ которою останавливались лучшіе латинисты не только у насъ, но и въ Европѣ. Я самъ знаю, какъ Ешевскій прибѣгалъ иногда къ помощи знатоковъ латинскаго языка въ Москвѣ и предоставляемъ былъ собственнымъ средствамъ. Слѣдственно, трудъ Ешевскаго въ этомъ отношеніи заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія. Находилось еще одно возраженіе противъ «Сидонія Аполлинарія»: строгіе пуристы науки считали его недостаточно ученымъ, т. е. ставили въ вину легкость изложенія и то обстоятельство, что тема взята слишкомъ широко и, стало-быть, не все принадлежитъ личнымъ изслѣдованіямъ автора. На такое возраженіе отвѣтилъ Ешевскій въ своемъ предисловіи: «Для русской публики подобныя монографіи могутъ принести болѣе существенную пользу, нежели спеціальныя изысканія, относящіяся къ одному какому-нибудь событію, тѣмъ болѣе, что и въ настоящемъ случаѣ не исключалась возможность собственныхъ частныхъ изслѣдованій». Мнѣ остается только прибавить къ этому, что вся книга есть плодъ собственного добросовѣстнаго изученія источниковъ и критическаго отношенія къ трудамъ иностранныхъ писателей. На вопросъ: зачѣмъ же взять предметъ, уже значительно обработанный въ Европѣ, а не такой, который бы имѣлъ болѣе близкое отношеніе къ намъ? отвѣчать можетъ все вышесказанное о тогдшнемъ настроеніи университета и о личномъ развитіи Ешевскаго. Думаю, что этимъ объясняется многое: иначе не

зачѣмъ было бы такъ долго останавливаться на подробностяхъ университетскаго преподаванія.

Осенью 1855 г. Ешевскій былъ выбранъ въ казанскій университетъ на кафедру русской исторіи, гдѣ ему пришлось замѣнить своего бывшаго наставника Иванова. Еще не успѣлъ Ешевскій уѣхать въ Казань, какъ умеръ Грановскій. Факультетъ тогда же выбралъ Ешевскаго, и онъ поѣхалъ съ полною надеждой пробыть въ Казани не болѣе полгода, т. е. дочитать до конца 1855—56 академическаго года. «Первый и, дай Богъ, послѣдній курсъ русской исторіи — писалъ онъ ко мнѣ въ декабрѣ 1855 г. — въ казанскомъ университетѣ мнѣ хотѣлось бы прочесть какъ можно получше, такъ, что если, какъ пишетъ П. Н. (Кудрявцевъ), меня и разведутъ съ русскою исторіей, чтобы разстаться съ нею подружески. Имѣя же въ виду переходъ въ Москву, мнѣ можно читать, не столько стѣняясь разными условіями». Но переходъ этотъ затянулся: съ одной стороны, казанскій университетъ не хотѣлъ выпускать отъ себя даровитаго дѣятеля, въ чемъ соглашался съ нимъ и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, исходя изъ той точки зрѣнія, что даровитые профессора нужны повсюду; съ другой стороны, нашлись люди, которые внушили ему мысль о возможности найти другаго преподавателя для Москвы. Попытка эта не удалась, и покойный Авраамъ Сергѣевичъ съ своимъ постояннымъ благодущіемъ отказался отъ нея, когда узналъ ея невозможность, а Ешевскаго все-таки опредѣлили не ранѣе того, какъ онъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ служить въ Александровскій сиротскій корпусъ.

Въ Казани Ешевскій пробылъ полтора года, до октября 1857 г. Впечатлѣніе, произведенное лекціями Ешевскаго на студентовъ, передано словами брошюры А. С. Гацискаго: «Въ началѣ января 1856 г. вошелъ въ Ивановскую аудиторію, скамейки которой ломились отъ громаднаго числа студентовъ,

собравшихся изъ любопытства послушать новаго профессора, молодой, худой, не высокаго роста человекъ, и, сказавши слушателямъ, стоя на ступеняхъ кафедръ, маленькое привѣтствіе, велѣдъ затѣмъ вошелъ на кафедру и началъ первую свою лекцію. То былъ *Степанъ Васильевичъ Ешевскій*.

«По окончаніи лекціи всѣ мы были какъ будто ошеломлены. Мы не могли дать себѣ строгаго отчета, что это такое: черезъчуръ ли хорошо, или уже никуда не годно?»

«Передъ нами лилась увлекательная въ высшей степени и вмѣстѣ съ тѣмъ простая, безъ всякихъ риторическихъ прикрасъ и цвѣтовъ краснорѣчія, живая и умная рѣчь. Насъ поражалъ этотъ прямой, ничѣмъ неподкупленный взглядъ на вещи, какъ онъ есть.»

«Интересъ, возбужденный лекціями С. В. Ешевскаго, былъ громаденъ. Аудиторія другихъ профессоровъ стали пустѣть; даже студенты медицинскаго факультета, никогда не появляшіеся въ такъ называемыхъ *общихъ* аудиторіяхъ, стали тутъ своими людьми. Да и какъ возможно было не предпочесть чтенію С. В. Ешевскаго чтеніе какого-нибудь другаго профессора, когда мы отъ него почти впервые слышали голосъ истины! Уже нѣсколькихъ словъ первой его лекціи, начавшейся такъ: «Исторія XVIII стол. въ Россіи, исторія главная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальная, потому что дѣятели этой эпохи оставались безъ твердой почвы подъ собою; они чувствовали свой разрывъ съ прошедшимъ и отсутствіе историческихъ преданій; они не имѣли ясныхъ, сознательныхъ цѣлей для своей дѣятельности; но XVIII вѣкъ не бесполезно прошелъ для насъ, и мы напрасно легкомысленно оставляемъ въ забвеніи труды предшественниковъ нашихъ», уже нѣсколькихъ этихъ словъ было достаточно, чтобы заставить насъ полюбить исторію, такъ какъ въ ней мы начали видѣть не одни научные панегирики и вѣчно розовый цвѣтъ, а исторію».

Такие же восторженные отзывы о казанских лекціях Ешевскаго удавалось мнѣ слышать и отъ другихъ студентовъ того времени. Вообще, не смотря на то, что въ Казани Ешевскій былъ такъ недолго, онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память, что понятно уже потому, что многое слышалось въ первый разъ съ кафедры и что студенты тѣмъ юношескимъ инстинктомъ, который рѣдко и не надолго обманывается громкими фразами, поняли, какъ много любви къ наукѣ и добросовѣстности въ своихъ занятіяхъ приносилъ къ нимъ молодой профессоръ. Эти качества были тѣмъ дороже, что между старыми профессорами многіе, даже богато одаренные, отъ разныхъ причинъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ умственная атмосфера недавняго прошлаго, поддались рутинѣ и читали лекціи только въ исполненіе обязанности по старымъ тетрадкамъ.

Курсъ, который читалъ Ешевскій въ 1856 г., былъ продолженіемъ курса, начатаго Ивановымъ. Ивановъ довелъ до воцаренія Елизаветы Петровны; Ешевскій излагалъ ея царствование. Этотъ курсъ (см. «Очеркъ царствованія Елиз. Петр.» во II части этого изданія) еще не потерялъ значенія лучшаго обзорнiя этого царствованія, которое мы до сихъ поръ имѣемъ. Въ письмѣ ко мнѣ, рассказывая, что русскія книги онъ нашелъ все въ Казани и между прочимъ и журналы старыхъ годовъ, въ которыхъ разсѣяно много статей касательно XVIII в., Ешевскій жаловался, что изъ иностранныхъ онъ могъ достать только «Исторію XVIII в.» Шлоссера. Кажется, позднѣе онъ имѣлъ подъ руками «Geschichte des russischen Staates» Германа. Но главнымъ источникомъ для него служило «Полное Собраніе Законовъ», которымъ обыкновенно такъ мало пользуются наши историки и которое однако должно быть положено въ основу изученія: только тамъ можно найти свѣдѣнія, касающіеся внутренняго быта. Въ

своемъ изложеніи Ешевскій далъ сравнительно меньшее мѣсто фактамъ внѣшнимъ, придворной и военной исторіи, и обратилъ вниманіе на колонизацію, ландмилиціонныя полки, Малороссію, просвѣщеніе. Это обстоятельство и придало курсу особую важность, хотя Ешевскій былъ лишень возможности внести въ свое преподаваніе свѣдѣнія архивныя, что тогда и было почти совершенно недоступно. Надо прибавить еще, что, уѣзжая изъ Москвы, онъ еще не зналъ, о чемъ ему придется читать. Срочность работы помѣшала ему дать своему изложенію окончательную литературную обработку, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя мѣста имѣютъ даже несомнѣнныя литературныя достоинства. Такова вступительная лекція, гдѣ, характеризуя вообще XVIII в. какъ время переходное, онъ останавливается съ особенною любовью на лицѣ Потемкина и чрезвычайно удачно указываетъ на него, какъ на типъ чисто русскаго человека со всеми его достоинствами и недостатками. Строгая историческая критика можетъ указать кое на что, что слѣдовало бы поправить: такъ въ дѣлахъ малороссійскихъ, быть можетъ, не слишкомъ ли много вѣры дано фразистой «Исторіи Руссовъ» Конискаго. Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что курсъ обнимаетъ собою эпоху далеко не разработанную и до сихъ поръ, а тогда едва только открывалась возможность говорить о ней не такъ, какъ говорилось въ учебникахъ. Важнымъ достоинствомъ курса было, по моему мнѣнію, то, что Ешевскій сумѣлъ удержаться отъ слишкомъ рѣзкаго осужденія прошлаго, которое было у многихъ тогда естественною реакціей противъ недавнихъ панигириковъ.

Въ слѣдующемъ 1856—57 академическомъ году Ешевскій читалъ обзорѣніе исторической литературы отъ хроники Сафоновича до исторіи Соловьева (см. въ III части этого изданія «Обзоръ русской исторіографіи»); при изложеніи онъ принялъ хорошую методу характеризовать воззрѣніе

автора большею частію его собственными словами. Въ періодѣ до Карамзина Ешевскій даетъ довольно полную бібліографію; но послѣ Карамзина останавливается только на болѣе крупныхъ явленіяхъ (сколько могу судить по неполному списку его лекцій, находящемуся у меня въ рукахъ); въ особенности много времени посвящено изложенію трудовъ С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, къ которымъ профессоръ относился съ видимымъ сочувствіемъ; трудовъ по міеологіи онъ коснулся только мимоходомъ по поводу книги г. Соловьева. Специальныя изслѣдованія въ этотъ періодъ оставлены въ сторонѣ. Курсу предшествуетъ любопытное введеніе, въ которомъ высказывается мысль о несходствѣ русской исторіи съ исторіей западной Европы и о всемірно-историческомъ значеніи русской исторіи, которое Ешевскій видѣлъ въ борьбѣ съ Азіей и въ колонизаціи Востока. Ясно, что по своему приготовительному образованію, по кругу, въ которомъ онъ постоянно жилъ, и по своимъ специальнымъ занятіямъ, Ешевскій не могъ раздѣлять мнѣній славянофиловъ и не видѣлъ другаго значенія греко-славянскаго міра: въ этомъ отношеніи онъ до конца остался послѣдователемъ западныхъ ученыхъ.

Зимой этого года Ешевскій прочелъ въ Казани три лекціи о колонизаціи сѣверо-востока Россіи, которыя по смерти его были напечатаны въ «Вѣст. Европы» 1866 г. Эти лекціи были чрезвычайно живымъ сводомъ всего, что до того говорилось объ этомъ предметѣ; собранное въ одно цѣлое явилось болѣе яркимъ, чѣмъ разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ; оттого эти лекціи такъ понравились, когда явились въ печати. Интересъ къ этнографіи, возбужденный въ Ешевскомъ еще въ Одессѣ, не ограничился этими лекціями: его стараніями образовался въ Казани при университетѣ этнографическій музей изъ предметовъ, преимущественно имѣющихъ какое-либо отношеніе къ краю; Ешевскій завелъ въ разныхъ мѣстахъ

корреспондентовъ, отъ которыхъ доставалъ, какъ этнографическіе предметы, такъ и древности. Такимъ образомъ и у него собралась не большая, но хорошенькая коллекція болгарскихъ и пермскихъ древностей. Послѣднія и были описаны въ «Пермскомъ Сборникѣ». Лекціи Ешевскаго и его разговоры возбудили во многихъ интересъ къ занятіямъ: такъ въ то время посѣщалъ его А. П. Щаповъ, тогда еще студентъ Академіи; Ешевскій указывалъ ему на этнографическіе вопросы и, какъ на источникъ для изученія колонизации, на житія святыхъ, хранящіяся въ Соловецкой бібліотекѣ. Нѣсколько выписокъ изъ этихъ житій было сдѣлано самимъ Ешевскимъ для С. М. Соловьева. Къ сожалѣнію, Ешевскій оставался слишкомъ не долго въ Казани и не могъ поддержать и дать правильное направленіе ни своему музею, который послѣ него, говорятъ, заглохъ, ни тѣмъ молодымъ людямъ, для которыхъ его руководство было бы полезно. вмѣстѣ съ собраніемъ древностей Ешевскій вывезъ изъ Казани нѣсколько масонскихъ книгъ и рукописей, положившихъ основаніе его масонской коллекціи.

Весною 1857 г. Ешевскій женился на Ю. П. Вагнеръ, дочери казанскаго профессора, извѣстнаго геолога. Кроткій свѣтъ семейной жизни освѣтилъ и согрѣлъ его послѣдніе труженіе и страдальческіе годы.

Осенью 1857 г. Ешевскій переселился въ Москву. Не сбывшаяся надежда не только на переходъ въ московскій университетъ, но даже на перемѣщеніе въ Казани съ кафедры русской исторіи на кафедру всеобщей, заставила его искать другой службы: Александровскій Сиротскій Корпусъ предложилъ ему уроки, Ешевскій принялъ ихъ и пріѣхалъ въ Москву учителемъ корпуса. По пріѣздѣ однако онъ не скоро могъ приняться за дѣло: болѣзнь ожидала его въ Москвѣ, и доктора нѣсколько мѣсяцевъ не выпускали его изъ комнаты. Дѣятельность

его въ корпусѣ, какъ и вездѣ, оставила добрые слѣды. Ему порученъ былъ третій спеціальный классъ, въ которомъ кадеты подъ руководствомъ учителя занимались письменными упражненіями; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ читалъ спеціальный курсъ о французской революціи, надъ которымъ много работалъ. Ешевскій заставлялъ кадетъ сильно работать, задавая темы для сочиненій такіа, для которыхъ матеріалы нужно было находить, на примѣръ, въ «Полномъ Собраніи Законовъ». Кадеты ходили къ нему за справками, за книгами, за совѣтами, и сближались съ нимъ. Въ его путевыхъ замѣткахъ перваго путешествія за границу онъ рассказываетъ, какъ тронули его кадеты, встрѣтившіе его въ Варшавѣ съ необыкновенною любовью. Только въ началѣ 1858 г. министерство исполнило давнее желаніе московскаго университета: Ешевскій былъ утвержденъ профессоромъ по всеобщей исторіи. Грустно пришлось Ешевскому начинать свой курсъ: Кудрявцевъ, истомленный болѣзнію и скорбью по смерти любимой жены, угасъ; первая лекція Ешевскаго была посвящена памяти его учителя, друга и предшественника по кафедрѣ. Трагична судьба этой кафедры въ московскомъ университетѣ: такъ быстро на ней смѣняются люди болѣе или менѣе замѣчательные и всѣ равно любимые студентами!

Занявъ кафедру всеобщей исторіи, Ешевскій приступилъ къ исполненію своей старой задушевной мысли: вести преподаваніе исторіи спеціальными послѣдовательными курсами. По его плану, въ продолженіе 15 лѣтъ онъ долженъ былъ довести этотъ курсъ, начинавшійся временемъ паденія Римской имперіи, до конца; тогда онъ думалъ снова возвратиться къ началу и такимъ образомъ переработанные два раза курсы намѣренъ былъ печатать. Началъ онъ съ этнографическаго обзорѣнія римскаго міра (этотъ курсъ названъ въ этомъ изданіи: «Центръ римскаго міра и его провинціи»). Мысль этого

курса чрезвычайно умная: онъ хотѣлъ разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ все народы Запада и Востока, подчинившіеся Риму, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, чтò каждый изъ нихъ далъ Риму и что получилъ отъ него. Въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ передаетъ онъ слушателямъ все, что сдѣлано наукой для объясненія судебъ cadaго изъ этихъ народовъ. Дальнѣйшее развитіе cadaго изъ этихъ народовъ въ средневѣковой исторіи обуславливается до извѣстной степени его отношеніемъ къ Риму. Потому нельзя было удачнѣе начать курса исторіи средних вѣковъ, какъ подобнымъ введеніемъ, мысль о которомъ, можетъ быть родилась подъ вліяніемъ извѣстнаго сочиненія Амедея Тьерри: «*Histoire de la Gaule sous la domination des Romains*», гдѣ изображается вліяніе на Римъ разныхъ подчиненныхъ ему народовъ, представители которыхъ такъ часто облекались въ императорскую порфиру. Но Ешевскій поставилъ задачу свою шире: его вниманіе устремлено преимущественно не на Римъ, а на провинціи. Въ этомъ курсѣ онъ остался вѣренъ тому же направленію, которое выразилось еще въ «Сидоніи»: въ падающемъ Римѣ онъ привѣтствуетъ зарю новаго міра; съ этой же точки зрѣнія разсмотрѣвъ составъ римскаго міра, онъ характеризуетъ его связующее начало, власть цезарей; весь курсъ проникнутъ сознаніемъ связи римскаго міра съ ново-европейскимъ, которая высказана въ заключительныхъ словахъ профессора: «Въ исторіи средних вѣковъ не разъ приходится обращаться къ временамъ древней имперіи, чтобы понять смыслъ явленій, совершавшихся въ новой Европѣ». Читая эти яркія и живыя характеристики, можно подумать, что онѣ достались очень дешево; но я самъ былъ свидѣтелемъ неустанной работы, которой они стоили; приготовленіе къ каждой лекціи брало у Ешевскаго нѣсколько дней: въ дѣло шли и историки, и путешествія археологовъ. Многія книги доставались въ Москвѣ съ большимъ трудомъ;

но все, что можно было достать до послѣдней журнальной статьи, было добываемо. Вліяніе западныхъ историковъ чувствуется на этомъ курсѣ; но иначе не могло быть: міръ греко-славянскій, къ сожалѣнію, оставался чуждымъ тогда и не для одного Ешевскаго.

Предметомъ курса слѣдующаго года было обзорѣніе внутренней, преимущественно умственной жизни Римской имперіи (этотъ курсъ названъ въ нашемъ изданіи «Очерками язычества и христіанства»). Этому курсу Ешевскій весьма кстати предпослалъ введеніе, въ которомъ разбиралъ вопросъ объ отношеніи общества къ государству; *) можетъ быть, нигдѣ правильная постановка этого вопроса не имѣетъ такого значенія, какъ въ приложеніи къ Риму, гдѣ государство стремилось поглотить общество и гдѣ христіанство представило оплотъ противъ этихъ стремленій. Вопросъ этотъ побудилъ Ешевскаго обратиться къ юридической литературѣ и большая часть лѣта 1858 г. ушла на это занятіе. Къ чему бы онъ ни обращался, онъ всегда любилъ получить болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія. Самый предметъ курса вызвалъ къ пересмотру всѣхъ религіозныхъ вѣрованій, какъ римскихъ, такъ и принятыхъ Римомъ отъ другихъ народовъ, всѣхъ системъ философскихъ, господствовавшихъ въ Римѣ съ одной стороны, ученій отцовъ церкви съ другой. Рѣзкая противоположность этихъ двухъ міровъ, существовавшихъ рядомъ въ Римской имперіи, весьма счастливо выставлена въ курсѣ Ешевскаго. Курсъ этотъ тѣсно связывался съ предыдущимъ: представивъ картину Римскаго міра, опредѣливъ предѣлы вліянія Рима границами того, что въ послѣдствіи назвалось западной Европой, профессоръ переноситъ своихъ слушателей въ самый центръ умственной жизни этого міра и показываетъ, какъ неизбежно начала этой жизни

*) Это введеніе не вошло въ наше изданіе, вслѣдствіе своей отрывочности и незаключенности. А. Т.

должны уступить передъ новыми началами христіанства. Строгая критика можетъ указать на то, что незнакомство съ полнѣйшими многими замѣчательными произведеніями древности (по гречески Ешевскій не читалъ) могло тутъ и тамъ имѣть вліяніе на самое изложеніе. Тутъ есть своя доля правды; но не слѣдуетъ забывать и того, что профессоръ не можетъ всюду быть самостоятельнымъ, что ясное и живое изложеніе чужихъ результатовъ не рѣдко составляетъ важную заслугу. Прибавимъ однако, что если греческую литературу Ешевскій зналъ по переводамъ, то латинская была ему вполне извѣстна. То же надо сказать и объ исторической литературѣ самого предмета: все, что касалось его, было тщательно прочитано и изучено. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ добивался онъ книги Деллингера: «Christenthum und Kirche» и въ какое негодованіе приходилъ, замѣтивъ при чтеніи, что книга въ сущности поспѣшная компиляція.

Рядомъ съ этимъ курсомъ Ешевскій читалъ другой: для студентовъ 1-го и 2-го курса онъ обязанъ былъ читать древнюю исторію. Новую читалъ тогда г. Вызинскій, котораго лекціи о феодализмѣ, какъ введеніе въ новую исторію, напечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Ешевскій считалъ несправедливымъ обременить молодаго преподавателя двумя курсами и потому взялъ древнюю исторію на себя. Курсъ этотъ доводилъ Ешевскій до персидскихъ войнъ; главное вниманіе профессора, сколько могу судить по краткому изложенію, составленному по моей просьбѣ однимъ изъ тогдашнихъ его слушателей, И. П. Хр., обращено было на бытъ и религію народовъ Востока: онъ долго останавливался на памятникахъ искусства, описывая ихъ по разсказамъ путешественниковъ и указывая на труды, сдѣланные для ихъ объясненія. И. П. Хр. чрезвычайно хорошо характеризуетъ этотъ курсъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все преподаваніе Ешевскаго: «Ешевскій, говоритъ онъ,

былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не могутъ относиться къ своему дѣлу безсердечно и исполнять его рутинно. Каждая его лекція была согрѣта сочувствіемъ къ предмету, и это не было мелочное сочувствіе къ блеску собственной мысли. Онъ былъ не фразеръ и не подстрекалъ хаоса мыслей, какъ иные изъ его современниковъ. Идея проходила чрезъ его лекцію, и онъ ею не хвастался. Приемы его были чисто объективные, что, конечно, способствовало тому благотворному влиянію, какое имѣли его лекціи на слушателей». «Впечатлѣніе, говорить тотъ же свидѣтель, произведенное разсказомъ о кастахъ и чудовищномъ рабствѣ древняго Египта, было сильно; но Степанъ Васильевичъ не останавливался на этомъ долго и не пускался по этому поводу въ разсужденія; не дѣлалъ политическихъ намековъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ было въ модѣ поступать». «Никогда не угощалъ онъ слушателей обломками своихъ академическихъ работъ и не приносилъ массы отрывочныхъ свѣдѣній вмѣсто не подготовленной и не обдуманной лекціи. Наглядно объясняя вѣные памятники и приводя письменные, Степанъ Васильевичъ приводилъ слушателей чрезъ рядъ гипотезъ къ положительному факту и тѣмъ причалъ къ ученымъ приемамъ и знакомилъ съ историческою критикой». Отношеніе къ студентамъ передаю тоже словами И. П. Хр.: «Мы читали по совѣту С. В. удивительную книгу Макса Дункера. Это чтеніе казалось намъ продолженіемъ лекцій: частію пополняло ихъ, частію лекціи наоборотъ пополняли чтеніе. Ст. Вас. принималъ насъ и у себя, онъ очень просто и любезно обходился съ нами, но не заискивалъ въ насъ и не любилъ пускаться съ нами въ болтовню. Мы знали зачѣмъ шли къ нему, а онъ заготовливалъ къ нашему приходу книги и атласы, показывалъ рисунки памятниковъ древности и объяснялъ наши недоразумѣнія».

Прибавлю любопытную черту, сообщаемую въ запискѣ, со-

ставленной для меня другимъ его ученикомъ, А. С. Трачевскимъ: «С. В. былъ однимъ изъ льготныхъ профессоровъ для тѣхъ студентовъ, которые желаютъ получить степень кандидата. Для молодаго человѣка, могущаго запомнить основное содержаніе лекцій, а главное, понять и сознательно высказать это содержаніе, *пятерка* была обезпечена, и она всегда входила, какъ совершившійся фактъ, въ наивно-корыстные расчеты будущихъ кандидатовъ. Но зато упомянутое главное условіе нужно было всегда соблюсти при отвѣтѣ С. В.—чу; только тогда онъ внимательно и спокойно выслушивалъ студента и, не задерживая его долго, смѣло ставилъ вышнюю отмѣтку. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода: бывало не безъ грѣха, т. е. не безъ отсутствія *главнаго* условія въ отвѣтѣ. Въ такомъ случаѣ С. В. принималъ оживленный и веселый видъ и начиналъ энергически задавать несчастному вопросы поразительной простоты, отъ которыхъ былъ менѣе, чѣмъ одинъ шагъ, до первыхъ страницъ руководствъ Смарагдова и Ободовскаго. Помнится, напримѣръ, что одному изъ такихъ студентовъ, не могшему не только прямо, но и криво понять историческое явленіе, въ родѣ Аполлонія Тианскаго, профессоръ задалъ вопросъ касательно географическаго положенія Аравіи и былъ утѣшенъ не менѣе поразительнымъ по своей простотѣ отвѣтомъ. Даже и въ подобныхъ критическихъ обстоятельствахъ С. В. не терялъ присутствія духа и веселаго настроенія: онъ только сознавался, шутливо разставляя руки, что находится въ затруднительномъ положеніи, въ необходимости поставить, по большей мѣрѣ, *двойку*. Только въ послѣдствіи, подъ влияніемъ съ одной стороны сознанія необходимости поднять уровень нашего образованія, а съ другой стороны и болѣзни, сталъ онъ строже и требовательнѣе».

Обязанности профессора не ограничивались для Ешевскаго однимъ чтеніемъ лекцій и учеными занятіями; дѣла совѣтскія

также тревожили его. Ешевскій, по своему характеру, принадлежалъ къ числу людей, которые охотно жертвуютъ собственнымъ покоемъ тому, что считаютъ своимъ долгомъ; на исполненіе долга онъ всегда смотрѣлъ серьезно и не останавливался въ этомъ случаѣ ни передъ какими соображеніями: университетъ и его процвѣтаніе были его постоянною заботою. Больной и нервный, онъ, можетъ быть, иногда вносилъ черезчуръ много страстности въ свои пренія; но, тѣмъ не менѣе, выходя изъ благороднаго источника, увлеченія его легко находили себѣ оправданіе въ глазахъ не предубѣжденныхъ людей, и если въ свое время и производили нѣсколько тяжелое впечатлѣніе, то послѣ всегда могли быть объяснены честными побужденіями. Вглядываясь пристальнѣе въ составъ коллегіальныхъ учреждений (можетъ быть, и не у насъ однихъ), нельзя не цѣнить людей съ характеромъ Ешевскаго, которые мѣшаютъ этимъ учрежденіямъ заснуть. Въ ту пору, о которой я теперь говорю, Ешевскій былъ занятъ въ особенности вопросомъ о свободѣ диспутовъ; частный случай, подавшій поводъ къ полемикѣ въ газетахъ (см. въ Предисловіи списокъ статей Ешевскаго), былъ для него только поводомъ: онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо шире и добивался не того, чтобы оскорбить то или другое лице, а того, чтобы оградить одно изъ важнѣйшихъ учреждений университета, ставящее его подъ постоянный контроль общественнаго мнѣнія. Результатомъ полемики Ешевскаго было то, что на слѣдующемъ диспутѣ уже были сохранены всѣ формы. Другой, еще болѣе важный вопросъ занималъ въ то время Ешевскаго и оставался постоянно для него предметомъ заботливости. Это вопросъ о степени подготовки студентовъ. Еще въ бытность въ Казани онъ замѣтилъ неудовлетворительность состоянія гимназій, въ университетѣ ему не разъ приходилось сталкиваться съ примѣрами замѣчательнаго невѣжества, естественнымъ

послѣдствіемъ того упадка гимназій, въ которое привела ихъ реформа 1849 г., разрушившая созданіе графа Уварова. Въ своей статьѣ о книгѣ Шульгина въ «Атенѣ» онъ рассказываетъ о студентѣ, говорившемъ на экзаменѣ о *богинь* *Культъ*: слышавъ это слово «культъ» на лекціяхъ, студентъ принялъ его за названіе особаго божества. По поводу возбужденнаго тогда Ешевскимъ вопроса о лучшемъ устройствѣ гимназій, поднялись голоса, обвиняющіе университетъ, выпускающій дурныхъ учителей. При всей видимой справедливости этого обвиненія, нельзя не согласиться однако съ тѣмъ, что при тогдашнемъ состояніи университетовъ гимназіи все таки могли быть лучше: были же они относительно хороши при графѣ Уваровѣ. Педагогическому вопросу Ешевскій отвѣлъ, какъ мы увидимъ ниже, много мѣста въ планѣ своей заграничной поѣздки.

Осенью 1859 г. Ешевскій уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ до осени 1861 г. Въ эту поѣздку онъ объѣхалъ большую часть Германіи, былъ въ Италіи, Швейцаріи и Франціи. Главныя цѣли своей поѣздки онъ такъ объяснялъ въ письмѣ изъ Берлина къ той родственницѣ, о которой намъ уже случилось упоминать: «Мнѣ хотѣлось бы взять съ путешествія все, что возможно, и заниматься только тѣмъ, чѣмъ можно заниматься только здѣсь. Кабинетныя занятія, работа надъ книгами еще не уйдутъ отъ меня. Это можно дѣлать и въ Россіи, потому ихъ я отодвинулъ на второй планъ. Кромѣ общаго знакомства съ политическими учрежденіями и ходомъ здѣшней общественной жизни, я поставилъ себѣ главнымъ образомъ двѣ задачи: изученіе искусства и по возможности близкое знакомство съ устройствомъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Послѣднее я считаю чрезвычайно важнымъ въ практическомъ отношеніи и въ нашемъ теперешнемъ положеніи, когда все расшаталось въ университетѣ и гимназіи, когда настоятельна потребность въ народныхъ элементарныхъ школахъ и подвять вопросъ о

женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ музеи и школы днемъ, спеціальныя сочиненія по исторіи и теоріи искусствъ и законы по министерству народнаго просвѣщенія вечеромъ, и у меня почти не остается времени на занятіе чѣмъ-нибудь другимъ или остается очень мало. Къ сожалѣнію, доступъ въ заведенія не всегда легокъ, особенно въ женскія католическія. Я получилъ отказъ въ просьбѣ осмотрѣть знаменитый институтъ въ Голландіи, недалеко отъ прусской границы, не могъ попасть въ католическій пансіонатъ въ самомъ Ахенѣ, т. е. получилъ позволеніе осмотрѣть однѣ стѣны, тогда какъ мнѣ прежде всего нужно сидѣть въ классахъ, видѣть машину въ самомъ ходу и притомъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а стѣны вездѣ стѣны. Впрочемъ, къ счастью, эти неудачи исключеніе изъ общаго правила. Большею частію я могъ близко всмотрѣться въ заведенія и надѣюсь привезти съ собою и много замѣтокъ, и почти цѣлую библіотеку различныхъ статутовъ, уставовъ и постановленій. За то музеи доступны вездѣ». «Уже по одному тому, что я надѣюсь принести дома пользу моимъ изученіемъ здѣшняго воспитанія, говоритъ онъ далѣе въ томъ же письмѣ, умирать я рѣшительно не намѣренъ». Въ «Отеч. Зап». 1860 г. напечатано его «Письмо изъ-за границы», въ которомъ онъ описываетъ состояніе германскихъ учебныхъ заведеній. Съ начала своей поѣздки Ешевскій началъ-было вести подневныя записки; но, къ сожалѣнію, не довелъ ихъ до конца: здѣсь рядомъ съ его собственными наблюденіями встрѣчаются выписки изъ разныхъ книгъ, цифры, касающіяся учебныхъ заведеній, краткія замѣтки о преподаваніи въ школахъ, указанія замѣчательныхъ вещей въ музеяхъ, и т. п. Изъ этой книги извлечено мнѣніе Ешевскаго о различныхъ профессорахъ, которыхъ ему удалось слушать. Вотъ что говоритъ онъ о Гейдельбергѣ:

«Съ 5 числа (ноября 1859 г.) я началъ ходить въ университетъ. Онъ поражаетъ своею простотою. Главное зданіе, гдѣ помѣщаются аудиторіи и, кажется, кабинетъ естественной исторіи, находится на Ludwig's или Universität's Platz'ъ; анатомическій музей, лабораторія, библіотека и другія университетскія собранія помѣщены въ другихъ домахъ въ городѣ; надъ главнымъ зданіемъ весьма не затѣливой архитектуры четырехугольная башня съ часами. Внутри ни сторожей, ни прислуги; одна Mädchen ходитъ по аудиторіямъ въ перемѣны, чтобы зажечь газовыя рожки вечеромъ и топить печи въ корридорахъ. Аудиторіи не велики и бѣдны: грязны обои по стѣнамъ, простыя скамейки, изрѣзанныя ножемъ, залитыя чернилами и покрытыя надписями, такая же кафедра съ черною доскою у стѣны, у которой стоитъ кафедра—вотъ и все. По стѣнамъ вѣшалки или просто гвозди, на которыхъ студенты вѣшаютъ свои плады и фуражки. Студенты курятъ въ корридорахъ и въ аудиторіяхъ; въ послѣднихъ, разумѣется, до прихода профессора. Ни полиціи, ни внѣшняго deorum. Въ корридорѣ на стѣнѣ наклеены записочки профессоровъ о времени начала курса, о часахъ и въ какой аудиторіи. Все идетъ само собою, а между тѣмъ ни малѣйшаго безпорядка ни въ корридорѣ, ни особенно въ аудиторіяхъ. Попробуй кто-нибудь войти по срединѣ лекціи, поднимется такое шарканье ногами, что въ другой разъ навѣрно не опоздаетъ.

«Въ первый день вечеромъ я пошелъ на лекціи Рау и Гейссера. Какъ госпитантъ, я имѣлъ право три раза ходить даромъ на лекціи каждаго профессора прежде, чѣмъ записаться въ число его слушателей. Слушателей у Рау не много, едвали наберется 20 человекъ въ небольшой аудиторіи, гдѣ онъ читаетъ. Ровно черезъ 7 минутъ вошелъ въ аудиторію, нѣсколько постукивая, бодрый еще старикъ, снялъ пальто, у кафедры положилъ шляпу, вытащилъ книгу и началъ чтеніе.

Рау нынѣшній годъ читаетъ финансовое право и притомъ по своей книгѣ. Въ эту лекцію онъ оканчивалъ литературу финансоваго права и приступилъ къ изложенію самаго предмета. Онъ читаетъ довольно внятно, хотя и не громко, причмокивая губами послѣ каждой фразы. Характеристика сочиненій ограничивается заглавіемъ и нѣсколькими словами. Любопытны были только эпизодъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ Рау въ полученіи финансовыхъ отчетовъ Австріи и характеристика трехъ родовъ этихъ отчетовъ въ Австріи: одного для публики безъ цифръ, другаго для избраннаго круга читателей, для чиновниковъ, университетовъ, и третьяго для немногихъ лицъ, посвященныхъ въ тайны австрійскихъ финансовъ. Изложеніе Рау весьма незавидно. Неприятно поражаетъ уже то, что онъ читаетъ по печатному руководству, почти неотступно отъ него. «Теперь слѣдуетъ § 3», говоритъ онъ, напримѣръ, сохраняя въ своемъ чтеніи даже рубрики книги. Отступленія отъ книги заключаются въ толкованіи самыхъ элементарныхъ политико-экономическихъ понятій. Странно какъ-то на лекціи финансоваго права слушать довольно долгое объясненіе различія потребленія отъ уничтоженія вещи, объясненіе различія чистаго дохода отъ валоваго и т. д. Кромѣ того, эти элементарныя объясненія слишкомъ продолжительны и показываютъ слишкомъ уже большое недовѣріе къ степени предварительныхъ познаній слушателей и даже къ ихъ понятливости. Вообще лекція была скучна и монотонна.

«Другое дѣло лекціи Гейссера. Онъ читаетъ два курса, каждый по пяти лекціи въ недѣлю. Отъ 4 до 5 новая исторія съ 1517 г.; отъ 6 до 7 исторія Германіи съ Вестфальскаго мира. На первомъ курсѣ слушателей бываетъ не такъ много, зато на второмъ аудиторія бываетъ полна. Гейссеръ рожденъ быть ораторомъ. Высокій, крѣпко сложенный, полный силъ и здоровья, съ грубымъ, некрасивымъ лицомъ, полнымъ однако

выраженія ума и энергій, съ демократическими, нѣсколько грубоватыми манерами, отлично идущими къ его лицу и тѣло-сложенію, онъ владѣеть сильнымъ, звучнымъ голосомъ и совершенно свободою рѣчью. Онъ читаетъ безъ всякихъ записокъ и конспектовъ, читаетъ быстро, такъ что за нимъ нельзя записывать; мысль опережаетъ слово и окончаніе фразы иногда пропадаетъ, такъ оно произносится скоро. Въ его рѣчи нѣтъ ни малѣйшаго посягательства на внѣшнюю отдѣлку, тѣмъ менѣе еще на фразерство; рѣчь скорѣе отрывиста; характеристики личностей въ весьма не многихъ, но меткихъ словахъ. Гейссеръ говоритъ, а не читаетъ; вся его лекція носитъ на себѣ этотъ разговорный характеръ. Онъ не можетъ спокойно стоять на кафедрѣ, а безпрестанно движется, перемѣняетъ положеніе, какъ будто ему тѣсно на ней. Иногда онъ повышаетъ голосъ до того, что, вѣроятно, его слышно съ площади. Несмотря на эту видимую неприготовленность лекціи, на ея непринужденный, разговорный характеръ, лекціи выходятъ мастерски обработанными. Гейссеръ не пускается въ подробное изложеніе и ограничивается большею частію общей характеристикой, но эти характеристики выходятъ чрезвычайно цѣльны и полны. Дня черезъ два я слышалъ его оцѣнку значенія лютеровскаго перевода Библии, и мнѣ никогда не случалось ни читать, ни слышать подобной мастерской характеристики.

«6 ноября былъ у Гейссера, чтобы записаться въ число его слушателей. Онъ читаетъ по изданнымъ имъ проспектамъ и находитъ это очень выгоднымъ для слушателей. Дѣйствительно, тутъ помѣщены указанія на источники и литературу каждаго отдѣла, кромѣ того тутъ указанія на главнѣйшія событія и важнѣйшія даты. Между прочимъ, Гейссеръ рассказывалъ мнѣ съ какимъ трудомъ собиралъ матеріалы для своей «Исторіи Германіи со смерти Фридриха II». Важнѣйшими

материалами, на примѣръ перепискою Лукезини, онъ пользовался съ большею легкостью потому, что они находятся въ Берлинскомъ военномъ архивѣ, гдѣ военное начальство смотритъ легче на политическіе документы. Въ Берлинскій архивъ иностр. дѣлъ доступъ былъ труднѣе; но всего недоступнѣе были баденскіе архивы, куда могъ проникнуть Гейссеръ только послѣ многихъ хлопотъ въ министерствѣ. Плата за каждый курсъ Гейссера въ семестръ 12 гульденовъ 20 кр.: я получилъ билетъ на слушаніе Новой исторіи за № 28, на слушаніе нѣмецкой за № 80. Впрочемъ слушателей несравненно больше, чѣмъ видно по билетамъ; особенно велико число на курсѣ нѣмецкой исторіи, я думаю человекъ до 150. Это или госпитанты или, какъ говорятъ, тѣ слушатели, которые ходятъ на лекціи, не записавшись у профессора и, слѣдовательно, не платя ему: они обыкновенно садятся подальше. Особенно это удобно въ аудиторіи, гдѣ читаетъ нѣмецкую исторію Гейссеръ. Задняя часть аудиторіи не освѣщена и надъ нею устроены какіе-то хоры, такъ что въ ней постоянно темно. Такихъ слушателей здѣсь называютъ «*bei Schwanz Hörer*» и, благодаря отсутствію всякаго контроля, очень легко слушать такимъ образомъ. Иначе нельзя объяснить такую огромную разницу между числомъ слушателей и числомъ выданныхъ билетовъ. Сверхъ Гейссера, я буду слушать два курса Штарка: греческую исторію и исторію искусства отъ Фидія до Константина В.—Штаркъ не позволилъ мнѣ записаться, а очень любезно сказалъ, что записываніе существуетъ для студентовъ, а не для товарищей по кафедрѣ. Штаркъ еще довольно молодой человекъ. Онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ, о которомъ разспрашивалъ. Онъ читаетъ греческую исторію очень подробно и обстоятельно. На географическій очеркъ Фессалии онъ употребилъ, напр., цѣлую лекцію, рисуя мѣломъ на доскѣ. Онъ читаетъ по запискамъ

или по конспекту. Изложеніе чрезвычайно отчетливо. Видно, что къ каждой лекціи онъ готовится. Внѣшняя манера довольно удовлетворительна, хотя онъ и говоритъ какимъ-то скрыпучимъ голосомъ. Слушателей довольно мало, человекъ 9 или 10, не болѣе. Къ сожалѣнію, онъ не отличается, кажется, особымъ талантомъ изложенія и очень часто заканчиваетъ описаніе такъ: *so also Eleusis*. Это *so also* у него встрѣчается очень часто. Особенно этотъ недостатокъ таланта изложенія замѣтенъ въ его исторіи искусства. Онъ чрезвычайно подробно объяснить планъ зданія, укажетъ на архитектурныя подробности, на содержаніе барельефовъ, расскажетъ дальнѣйшую судьбу зданія (напр. Пароенона), но общаго характера зданія не видно, за деталями слушателю довольно трудно составить себѣ сколько-нибудь цѣльное понятіе и онъ остается при одномъ инвентарѣ архитектурныхъ частей зданія. Штаркъ помогаетъ нѣсколько въ этомъ отношеніи своими *archeologische Uebungen* въ библіотекѣ, гдѣ онъ показываетъ и объясняетъ рисунки; но слушателей на этихъ упражненіяхъ еще меньше, чѣмъ на лекціяхъ. Когда я былъ, насъ было всего пятеро. Штаркъ впрочемъ лице очень почтенное по совѣстливой обработкѣ своихъ лекцій; я въ особенности доволенъ его исторіей Греціи.

«Лекціи Роберта Моля крайне неудовлетворительны во внѣшнемъ отношеніи. Онъ читаетъ тихо, однообразнымъ, заученнымъ тономъ; но еще хуже, когда онъ пускается въ частныя объясненія, когда онъ старается придать своимъ словамъ характеръ разговора; тутъ очень часто не доберешься, въ чемъ дѣло: онъ говоритъ скоро, путается, глотаешь слова и пр. Разумѣется, это только внѣшность, содержаніе лекцій отлично, и тѣмъ досаднѣе, что внѣшность такъ неудовлетворительна.

«Здѣсь профессора аккуратны не по нашему. Черезъ десять минутъ послѣ перемѣны, которая происходитъ безъ звонка,

профессоръ уже на лекціи. Робертъ Моль долженъ былъ отправиться на недѣлю въ Карльеру для засѣданія въ палатѣ и онъ просилъ своихъ слушателей приходить слушать нѣсколько дополнительныхъ лекцій отъ 7 до 8 ч. вечера, чтобы вознаградить слушателей за то время, когда онъ будетъ въ отсутствіи. Взявши съ слушателей гонорарій, профессоръ принимаетъ на себя обязанность прочитать извѣстный предметъ въ извѣстный срокъ и потому каждая манкировка есть какъ бы неисполненіе взаимнаго договора, и студентъ, заплативъ деньги, хочетъ, чтобы онѣ заплачены были не даромъ.

«На лекціяхъ нѣмецкой исторіи Гейссера я замѣтилъ двухъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ до того ветхъ, что ходитъ съ костьюлемъ и почти слѣпъ, но которые не пропускаютъ ни одной лекціи. У насъ до этого еще долго не дойдетъ. Вообще большое число слушателей Гейссера объясняется только тѣмъ интересомъ, который возбуждаютъ эти лекціи. Держать экзаменъ изъ исторіи обязаны только филологи, а ихъ очень не много; остальные слушаютъ безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, а аудиторія между тѣмъ всегда полна».

Не смотря на обширность этой выписки, я рѣшаюсь еще привести характеристику берлинскихъ профессоровъ, ибо полагаю, что въ этихъ сужденіяхъ чрезвычайно ярко высказываются требованія Ешевскаго отъ профессора и университетовъ; не надо забывать, что это черновыя наброски, которыя были написаны только для себя. Итакъ посмотримъ, что онъ нашелъ въ Берлинѣ.

«Въ университетѣ, читаемъ мы въ той же записной книжкѣ, также просто, какъ и въ Гейдельбергѣ. Зданіе нѣсколько напоминаетъ старый университетъ въ Москвѣ. Аудиторіи помѣщаются внизу, только три въ верхнемъ этажѣ. Въ верхнихъ этажахъ обоихъ флигелей анатомическій

музей и музей естественной исторіи, открыты для всѣхъ два дня въ недѣлю отъ 12—2 часовъ безъ всякихъ билетовъ. Аудиторіи также просты, какъ въ Гейдельбергѣ, только побольше. Въ среднихъ сѣняхъ по стѣнамъ тѣ же рукописныя извѣщенія профессоровъ о лекціяхъ, только здѣсь они на латинскомъ языкѣ и адресованы *commilitonibus amantissimis, ornantissimis* и пр. На одной изъ стѣнъ планъ университета съ обозначеніемъ NN аудиторій. На дверяхъ каждой аудиторіи картонъ съ расписаніемъ лекцій, которыя въ ней читаются. Еще отличіе внѣшнее отъ гейдельбергскаго университета: въ разныхъ мѣстахъ прибиты объявленія, что въ стѣнахъ университета нельзя курить, и во все время моихъ посѣщеній лекцій я не видалъ ни одного человѣка курящаго, хотя нѣтъ, по крайней мѣрѣ не видно, никакого полицейскаго надзора. На лекціяхъ много солдатъ, продолжающихъ слушать лекціи. Разноцвѣтныхъ фуражекъ не видно; попалось 2, 3 бѣлыя, фуражки Вандаловъ, но, вѣроятно, это пришельцы изъ другихъ университетовъ. Слушателей въ первые дни января сначала было не много, да и профессора не всѣ читали, Лепсіусъ, напримѣръ, началъ читать съ 12-го января.

«*Раумеръ* читаетъ публичный курсъ исторіи замѣчательныхъ революцій два раза въ недѣлю ниже всякой посредственности. Слушателей человѣкъ 10, 12, не больше. Трудно излагать предметъ болѣе пошлымъ, безцвѣтнымъ, школьнымъ образомъ. При мнѣ онъ читалъ обзоръ переворотовъ въ древнемъ Римѣ. Это былъ сухой, безжизненный перечень событий: ни одной характеристической подробности, ни одного сужденія иначе, какъ общими мѣстами. Такъ можно читать въ 5 классѣ гимназіи, а не въ университетѣ. Онъ назвалъ Грековъ первыми революціонерами и коснулся *ager publicus*. Я ждалъ тутъ чего-нибудь и услышалъ только школьное объясненіе, что такое *ager publicus*. Внѣшность изложенія самая

печальная и вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанию; печальный, неприглядный старикъ, съ зачесанными сзади на лобъ жидкими волосами, говоритъ убійственно монотоннымъ, однообразнымъ голосомъ. Я зналъ прежде, что отъ Раумера, какъ профессора, ждаль много нечего, но такого чтенія все-таки не ждаль.

«*Ранке* производитъ также впечатлѣніе непріятное, но въ другомъ совершенно родѣ. Слушателей у него также мало, развѣ не много побольше, чѣмъ у Раумера. Онъ читаетъ новейшую исторію съ 1813 г. и въ январѣ еще читаль только о событіяхъ съ Калишскаго трактата между Россією и Пруссіей. Въ аудиторію вошелъ низенькій господинъ еще не очень старый, на которомъ все платье какъ-то лѣзетъ кверху, отвороты сѣраго жилета поднялись изъ-за воротника сюртука, сѣрые брюки лѣзутъ вверхъ по сапогу. Я очень удивился, когда этотъ господинъ взошелъ на кафедру и усѣлся тамъ: я никакъ не воображалъ знаменитаго историка въ такомъ видѣ. Еще болѣе удивленъ былъ я при первыхъ его словахъ. Дѣло шло о самыхъ простыхъ, нисколько не патетическихъ предметахъ: о движеніи прусской и русской армій въ началѣ кампаніи 1813 г. Но надобно было видѣть, какіе жесты выдѣлывалъ Ранке на кафедрѣ и не одними руками, а всемъ тѣломъ: голова закинута назадъ, глаза жмурятся и закатываются, одна рука поднята кверху, другая протянута впередъ и судорожно ловить что-то, голосъ то замираетъ и почти совсѣмъ теряется, то переходитъ въ отрывистыя восклицанія, а все это за тѣмъ, чтобы сказать, что союзныя войска или армія Блюхера отступили по такому-то направленію. Вся лекція или лекціи прошли въ подобномъ кривляніи, поражающемъ весьма непріятно. Того и глядишь, что онъ опрокинется со стуломъ или вывихнетъ себѣ руку, до такой степени неестественны его размахиванія руками. Ранке приноситъ съ собою тетрадь,

но не смотритъ въ нее, что впрочемъ для него и невозможно. Его фраза неправильна, некрасива, безпрестанныя поправки, повторенія и т. п. Внутренней стороною изложенія я также не советѣмъ доволенъ: Ранке слишкомъ много даетъ мѣста ненужнымъ подробностямъ, останавливается слишкомъ долго на военныхъ движеніяхъ; а между тѣмъ внутренняя сторона: народное движеніе, постановка партій, какъ-то уходятъ слишкомъ на задній планъ. Онъ указалъ, напримѣръ, на важнѣйшіе пункты Рейхенбахскаго договора, но почти ничего не сказалъ о его значеніи, о политикѣ Меттерниха, о разладѣ между австрійскимъ взглядомъ на отношенія къ германскимъ князьямъ и Рейнскому союзу, еще вѣрному Наполеону, и взглядомъ, высказаннымъ въ Калишскомъ договорѣ, о противоположности между планами Штейна и цѣлями Меттерниха. Вообще надо хорошо знать и уважать Ранке, какъ писателя, чтобы имѣть терпѣніе долго слушать его, какъ профессора, и не уйти съ первой же лекціи съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться болѣе въ аудиторію.

«*Гирш* читаетъ исторію древняго міра. Какъ писателя, я его совершенно не знаю; мнѣ извѣстно только, что онъ написалъ «*De vita et scriptis Sigiberti monachi Gemblacensis Comment. Hist.-lit. Ber. 1841*». Слушателей у него не много больше, чѣмъ у Ранке, хотя ему и отведена большая аудиторія. Гиршъ еще довольно молодой человѣкъ. Онъ почти бѣгомъ входитъ въ аудиторію и черезъ нее до кафедры; читаетъ чрезвычайно скоро какимъ-то пѣвучимъ тономъ, впрочемъ довольно однообразнымъ и также не безъ нѣкоторой жестикюляціи. Въ январѣ онъ читалъ исторію еврейскаго народа въ связи съ исторіею Ассиріи и частію Персіи. Изъ его скороговорки трудно получить ясное понятіе объ исторіи еврейскаго народа, хотя онъ перекликается всѣхъ царей израильскихъ и іудейскихъ и хотя онъ читаетъ длинныя отрывки изъ

пророчествъ. Онъ совершенно теряется въ мелкихъ подробностяхъ, перескакиваетъ безпрестанно отъ одного предмета къ другому, бросается безпрестанно по сторонамъ, говорить, напр., о Кромвеллѣ по поводу пророка Или; и изъ всего этого выходитъ такая сумятица, въ которой трудно ориентироваться не только слушателямъ, но, кажется, и ему самому. Рѣчь льется быстрымъ потокомъ, слова идутъ одно за другимъ, какъ барабанная дробь, и вы думаете, что онъ торопится пересказать скорѣе эти подробности, чтобы подольше остановиться на чемъ-нибудь болѣе существенномъ. Не тутъ-то было: ничего и нѣтъ, кромѣ мелочей и подробностей, кромѣ, какъ мнѣ показалось, бесплоднаго желанія какъ-нибудь совладѣть съ этимъ дробнымъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь заключеніе, общій выводъ, желаніе, изъ котораго ничего не выходитъ. Студенты приходятъ съ тетрадами, но, сколько я могъ замѣтить, записываютъ только нѣкоторыя имена да хронологическія даты. Записать лекцію, т. е. ея главное содержаніе, нѣтъ никакой возможности: я пробовалъ и на самыхъ лекціяхъ, и дома тотчасъ послѣ возвращенія съ лекціи. Что сказалъ Гиршъ въ такую-то лекцію? Это чрезвычайно трудно сказать: лекціи разсыпаются въ песокъ, гдѣ каждая песчинка сама по себѣ и изъ котораго ничего нельзя слѣпить. Въ лѣтній семестръ онъ читалъ нѣмецкую исторію и исторію литературы среднихъ вѣковъ.

«Болѣе остался я доволенъ *Könke*, который читаетъ средневѣковую исторію. Онъ тоже литературно мало извѣстенъ (*Vita Liutprandi*). Теперь онъ издалъ *Germanische Forschungen* (возникновеніе королевской власти у Готовъ). Природа его сильно обидѣла внѣшностію: низкаго роста, горбатый, съ весьма некрасивой наружностію. Его лекціи не отличаются ни особеннымъ талантомъ изложенія, ни новизною проводимыхъ идей; но каждая изъ нихъ составлена

чрезвычайно отчетливо и добросовѣстно. Онъ читаетъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ и въ январѣ читалъ о Каролингахъ. Мнѣ понравилось въ немъ полное отсутствіе всякаго притязанія на эффекты и простая, но дѣльная передача предмета въ его современномъ научномъ состояніи. Если слушателей у него не такъ много (хотя все-таки больше, чѣмъ у предыдущаго профессора), то по крайней мѣрѣ они могутъ извлечь пользу изъ лекцій, тѣмъ болѣе, что Кёпке не ограничивается однимъ изложеніемъ событій, но указываетъ въ нужныхъ случаяхъ на литературу предмета, на главнѣйшія сочиненія, иногда даже передавая ихъ главное содержаніе и знакомя слушателей съ различными мнѣніями относительно того или другаго вопроса. Такъ, довольно подробно изложилъ онъ вопросъ о же-Исидоровыхъ декреталіяхъ, дѣятельность папы Николая I-го, его отношенія къ свѣтской власти, къ митрополитамъ западной Европы, къ константинопольскому патріарху. обстоятельно и хорошо изложены были отношенія римско-германскаго міра къ Славянамъ, Венграмъ, появленіе Нормановъ. Совершенно нѣтъ блеска, нѣтъ фразъ, нѣтъ большой живости изложенія, но лекціи очень дѣльныя и полезныя для студентовъ, не смотря на нѣкоторую сухость и краткость (въ одну лекцію, напр., Кёпке изложилъ событія въ Германіи въ царствованія Конрада, Генриха I, Оттона I и Оттона II).

«*Бёкк*. Былъ на нѣсколькихъ лекціяхъ и первая сдѣлала на меня особенное впечатлѣніе. Бёккъ читаетъ въ большой аудиторіи (гдѣ Дройзенъ, Ранке, Раумеръ), слушателей чрезвычайно много, аудиторія полна; но никто не стоитъ у кафедры. Бёккъ ректоръ университета, очень старъ, но еще довольно свѣжъ. Говорятъ, онъ очень хорошъ былъ въ пурпуровой ректорской мантии и такой же шапочкѣ на праздникѣ Шиллера. Онъ приноситъ съ собою портфель, изъ котораго

на кафедре раскладываетъ множество исписанныхъ бумажекъ. Онъ долго разбираетъ ихъ, прочитываетъ мѣсто изъ греческаго писателя, потомъ останавливается, думаетъ нѣсколько секундъ и потомъ уже предлагаетъ объясненіе. Такъ проходитъ лекція. Читаетъ онъ тихимъ, старческимъ голосомъ, такъ что даже съ первыхъ скамеекъ иногда трудно слышать, медленно, съ болѣе или менѣе продолжительными паузами. Лекція богата внутреннимъ содержаніемъ. По поводу крѣпостнаго, несвободнаго состоянія въ Греціи онъ приводитъ аналогическіе факты и объясненія изъ римскихъ и германскихъ древностей. Внѣшней отдѣлки, изящества изложенія нѣтъ, а между тѣмъ огромная аудиторія съ какимъ-то благоговѣніемъ слушаетъ этотъ тихій, иногда не совсѣмъ внятный голосъ знаменитаго старика. Никто не шевелится, никто не подойдетъ къ кафедрѣ, какъ это дѣлается у насъ (даже и въ томъ случаѣ, когда профессоръ читаетъ довольно громко). Большая часть слушателей, если не всѣ, записываетъ, хотя для сидящихъ назади это и весьма трудно. Я сидѣлъ обыкновенно на третьей отъ кафедры скамьи; но и тутъ многія слова терялись. Бѣкъ читаетъ греческія древности; при мнѣ онъ читалъ о несвободныхъ состояніяхъ въ Греціи, о демократическомъ элементѣ въ Греціи (какъ на одно изъ средствъ для демократизованія народа, онъ указывалъ на гимнастику, внушающую довѣріе къ своимъ силамъ, развивающую мужество въ народѣ тамъ, гдѣ гимнастическія упражненія не есть привилегія одного класса, какъ въ Спартѣ, гдѣ оно являлось средствомъ усиленія аристократизма).

«*Мюллеръ*. Слышалъ его чтеніе этнографіи и исторіи Востока. Читалъ о исламѣ. Дикція чрезвычайно непріятная, съ переходомъ изъ одного тона въ другой. Изложеніе сжатое и сухое, такъ что при самомъ чтеніи лекція имѣетъ уже характеръ записаннаго студентами конспекта. Мюллеръ иногда

останавливается на объясненіи различія мухамеданскихъ религіозныхъ воззрѣній отъ ученія христіанскаго, но эти объясненія также коротки, скорѣе намекъ, чѣмъ объясненія. Слушателей, включая тутъ и меня, было всего четверо, изъ которыхъ одинъ уже совсѣмъ сѣдой старикъ, вѣроятно, также непостоянный посѣтитель.

«*Leopold* читаетъ нынѣшній годъ два курса. Одинъ публичный, египетской исторіи, другой *privatissima* въ его рабочемъ кабинетѣ, въ египетскомъ музеѣ, о египетскихъ памятникахъ. Памятники собственно египетскаго музея должень былъ въ нынѣшній семестръ объяснять Бругшъ, но, какъ мнѣ сказали въ музеѣ, онъ прекратилъ эти объясненія по случаю своего отъѣзда въ Персію. Въ курсѣ египетской исторіи я попалъ на объясненіе показаній Геродота и Діодора и сличеніе этихъ показаній съ свидѣтельствами Манеона и самыхъ египетскихъ памятниковъ, также о хронологическихъ попыткахъ Юлія Африканскаго, Евсевія и Синкела. *Leopold*, съ своими сѣдыми, стриженными волосами и усами, съ прямымъ чрезвычайно станомъ, имѣетъ какую-то военную наружность, которая смягчается мягкимъ голосомъ. Читаетъ онъ совершенно свободно, ясно и просто. Чтобы получить возможность бывать на его *privatissima*, я пришелъ нѣсколько раньше въ музей и засталъ *Leopold*, объясняющаго памятники и превосходныя картины на стѣнахъ египетскаго двора принцессы Каролинѣ. *Leopold* былъ въ парадѣ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, но со шляпою на головѣ. Въ музеѣ не было замѣтно никакого особеннаго движенія; точно также, какъ и при обыкновенныхъ посѣтителяхъ, которые ходили тутъ же, не обращая вниманія на принцессу. Присутствіе ея было замѣтно развѣ по двумъ придворнымъ лакеямъ, несшимъ за нею мантилію ея, и сопровождавшей ея

дамы. Лепсіусъ охотно далъ мнѣ позволеніе посѣщать его лекціи, попросивъ только мою карточку. Читенія въ небольшомъ кабинетѣ, гдѣ передъ мольберомъ, на которомъ поставлены рисунки, нѣсколько рядовъ стульевъ для слушателей. Въ эту лекцію Лепсіусъ объяснялъ Бенигассанскіе памятники, показавъ рисунокъ ихъ внѣшняго вида и планъ. Преніе ученые по входу съ канелированными столбами относили эти памятники къ позднѣйшему періоду египетской исторіи. По этому поводу Лепсіусъ долго остановился на объясненіи 2 родовъ египетскихъ колоннъ и на ихъ архитектурномъ отличіи отъ греческихъ, причемъ указалъ и на древнюю связь греческаго искусства съ египетскимъ. Греки, а въ особенности племена Малой Азіи не могли издавна не быть знакомы съ памятниками Египта. Свои объясненія Лепсіусъ постоянно сопровождаетъ рисунками. Такъ по поводу перваго рода столбовъ, возникшихъ въ постройкахъ, высѣченныхъ въ скалахъ, онъ показывалъ разрѣзы этихъ построекъ, чтобы объяснить, какъ изъ стѣны образовались четырехъ — восьми — и шестнадцатигульные столбы, встрѣчающіеся въ египетскихъ гробницахъ. Для объясненія втораго рода колоннъ, очевидно, возникшихъ изъ подражанія растительному царству, онъ также показывалъ довольно много рисунковъ. Въ самомъ музеѣ историческая зала устроена, какъ подражаніе Бенигассанскимъ памятникамъ. Затѣмъ Лепсіусъ перешелъ къ Сеуту, къ резиденціи Аменофисса IV, и долго остановился на характерѣ этого царствованія, такъ рѣзко отличающагося отъ предшествующихъ и послѣдовавшихъ и совершенно одиноко стоящаго въ египетской исторіи».

(Затѣмъ идетъ краткій перечень лекцій Лепсіуса, состоящій изъ неясныхъ намековъ, который и пропускаю).

«Самый блестящій изъ профессоровъ исторіи въ берлинскомъ университетѣ безспорно Дройзенъ, недавно переведенный

сюда изъ Іены и привлекающій на свои лекціи огромное количество слушателей. Его имени нѣтъ еще въ каталогѣ лекцій и онъ читаетъ только *privata*. Одинъ курсъ посвященъ исторической пропедевтикѣ, другой исторіи французской революціи. На первомъ я засталъ окончаніе отдѣла объ исторической критикѣ и главу объ интерпретаціи; на второмъ онъ читалъ, начиная съ министерства Калонна и съ созванія нотаблей. На этомъ курсѣ число слушателей такъ велико, что едва можно найдти мѣсто даже для того, чтобы стоять. Я приходилъ обыкновенно очень рано и всегда уже заставлялъ всю заднюю половину аудиторіи совершенно полною. Послѣ мнѣ объяснили, что это господа, не записавшіеся у Дройзена и слушающіе его *gratis* безъ позволенія и матрикуляціи. Въ числѣ слушателей много офицеровъ и солдатъ, нѣсколько почтенныхъ господъ съ сѣдыми головами, даже одинъ совершенно слѣпой старикъ, котораго обыкновенно приводятъ довольно рано. Внѣшность изложенія Дройзена дѣйствительно блестящая: громкій, звучный голосъ, умѣніе владѣть имъ, тщательная отдѣлка фразы (Дройзень читаетъ по тетради), ораторскія движенія, иногда впрочемъ не безъ сильнаго притязанія на произведеніе эффекта, все это составляетъ рѣзкую противоположность съ чтеніемъ остальныхъ профессоровъ исторіи. Въ своемъ взглядѣ на общій ходъ и отдѣльные моменты революціоннаго движенія Дройзень рѣзко расходится съ французскими историками и не упускаетъ случая указать на эту противоположность воззрѣній. Безпощадный къ феодальной партіи и ея ошибкамъ, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго сочувствія къ движенію народныхъ массъ. Съ революціи онъ снимаетъ упрекъ, будто она совершенно разорвала связь съ прежнимъ устройствомъ. Парламентъ парижскій первый разорвалъ эту связь своимъ сопротивленіемъ распоряженіямъ правительства. Въ революціонномъ движеніи онъ видитъ не

борьбу за свободу, но только борьбу за политическую власть (*Macht-Frage*, а не *Freiheits-Frage*). Въ отсутствіи мысли и инициативы въ правительствѣ, въ отсутствіи всякаго твердо установленнаго плана, въ уступчивости и нерѣшительности причина успѣховъ революціоннаго движенія. Изъ членовъ національнаго собранія онъ высоко ставитъ только Мирабо, который могъ бы спасти Францію, если бы имѣлъ нравственную силу. Сильно возстаетъ противъ французскихъ историковъ (Мишле), видящихъ въ общемъ ходѣ революціи внутреннюю необходимость. 4 августа, федераціи и т. п. не вызываютъ ни малѣйшаго сочувствія, а только осужденіе; то же самое относительно жалованья духовенству, избранія священниковъ и епископовъ общинами, хотя Дройзенъ и признаетъ, что съ евангелической точки зрѣнія все это очень хорошо. Самыя событія Дройзенъ излагаетъ довольно подробно, но проводя повсюду свое основное воззрѣніе и доводя его иногда до несправедливости. Въ возстаніи Парижа онъ готовъ видѣть только движеніе праздныхъ негодяевъ и бродягъ.

«Курсъ исторической пропедевтики очень хорошъ. Онъ читаетъ его по изданному имъ *Grundriss*, весьма подробному, котораго я, къ сожалѣнію, не могъ достать, потому что его можно получить только отъ самого Дройзена. Я былъ у него два раза и не засталъ его, хотя одинъ разъ пріѣхалъ къ нему въ 9½ часовъ. Съ ранняго утра онъ уходитъ въ архивъ, и позволеніе посѣщать лекціи я получилъ, поймавъ его въ университетѣ. Онъ читаетъ весьма подробно (теперь объ интерпретаціи, которой считаетъ четыре вида: *Interpretation des Thatbestandes*, прагматическая, *Interpretation der Bedingungen*, *psychologische Interpretation* и *Interpretation der Ideen*). Не ограничиваясь общимъ догматическимъ изложеніемъ, онъ безпрестанно приводитъ примѣры, и притомъ выбирая эти примѣры изъ совершенно различныхъ отраслей историческаго

знанія. Такъ, напр., говоря о критикѣ фактовъ и о распредѣленіи критическаго очищеннаго матеріала по различнымъ точкамъ воззрѣнія и для различныхъ цѣлей, онъ выбралъ примѣръ изъ исторіи живописи и долго остановился на немъ. Говоря о прагматической интерпретаціи онъ взялъ примѣръ изъ объясненій гомерическаго эпоса посредствомъ аналогіи съ пѣсней Нибелунговъ. *Interpretation der Bedingungen*: примѣръ—боргезскій боець, котораго постановка, поза можетъ быть объяснена тѣмъ мѣстомъ, которое онъ предназначень былъ занимать въ храмѣ.»

Слушаніе лекцій, даже посѣщеніе училищъ не составляло, какъ мы видѣли, главнаго занятія Ешевскаго за границею: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ памятники искусства въ музеяхъ, памятники древности преимущественно въ Римѣ, средне-вѣковую старину главнымъ образомъ въ Кельнѣ. Въ его записной книжкѣ есть много замѣтокъ объ осмотрѣнныхъ предметахъ, но большей частью перечневыхъ; остановимся на его описаніи музея извѣстнаго археолога Клемма, которое представляетъ наиболѣе интереса.

«Собраніе Клемма расположено въ нѣсколькихъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома и чрезвычайно богато. Оно расположено систематически, хотя съ перваго взгляда и представляетъ, повидимому, совершенный беспорядокъ, нѣчто въ родѣ лавки съ разными рѣдкостями. Я пробылъ у Клемма три часа и успѣлъ съ его помощью разсмотрѣть часть собранія. Огромный отдѣлъ для оружія и орудій, начиная отъ естественныхъ камней и кусковъ дерева, употреблявшихся, какъ орудія, и подавшихъ мысль челоуѣку объ искусственномъ подражаніи этимъ естественнымъ орудіямъ. У Клемма сравнительный способъ изслѣдованія, и потому рядомъ съ каменными орудіями германскими и скандинавскими помѣщаются соответствующія формы Америки и острововъ

Тихаго Океана. Въ его собраніи всѣ переходы отъ самыхъ простыхъ формъ до болѣе искусственныхъ и сложныхъ, при томъ по возможности собраны образцы различныхъ степеней обработки. Такъ, въ собраніи орудій изъ кремня сначала идутъ необдѣланные еще кремни, по своей естественной формѣ годные на обдѣлку, потомъ кремни уже, что называется, облованные, кремни, у которыхъ одна сторона обдѣлана, и наконецъ совсѣмъ готовые орудія. Точно также съ другими каменными орудіями. Топоры, напр., расположены по различнымъ формамъ. Собраніе земледѣльческихъ орудій изъ камня. Каменные орудія, для обдѣлки которыхъ употреблены уже металлическія орудія. Орудія изъ бронзы, сначала подражаніе каменнымъ орудіямъ. Топоры, клинки для ножей и мечей (въ собраніи Клемма есть одинъ ножъ-кинжалъ, по красотѣ единственный во всѣхъ собраніяхъ). Огромное отдѣленіе для желѣзныхъ орудій. Собраны образцы почти всѣхъ странъ. Нѣкоторыя сближенія весьма любопытны (формы каменныхъ орудій съ острововъ Тихаго Океана одинаковы съ древнегерманскими, тоже относительно Америки. Ножъ-мечъ изъ Донголы какъ будто снятъ съ древне-египетскаго барельефа или рисунка). Собраніе ножей, топоровъ, ножницъ, земледѣльческихъ инструментовъ. Старо-нѣмецкій серпъ совершенно похожъ на серпъ, найденный мною въ Билярскѣ и отданный въ казанскій университетъ. Въ этой же комнатѣ помѣщается часть собранія русскихъ вещей (модели), полученныхъ Клеммомъ отъ В. Кн. Константина Николаевича и собранныхъ большею частью Далемъ. Во второй комнатѣ, гдѣ работаетъ Клеммъ и которая одна топится, собраніе сосудовъ великолѣпное, начиная также съ природныхъ формъ, т. е. съ камней, которые могли служить, какъ сосуды, съ тыквъ и орѣховъ, до венеціанскаго стекла. Здѣсь сосуды изъ дерева (старо-нѣмецкая кружка изъ обрубка дерева съ корою),

глины, стекла и фарфора. Замѣчательны глиняные сосуды изъ Африки, сохраняющіе еще древне-египетскую форму и чрезвычайно тонкіе и легкіе. Въ третьей комнатѣ собраніе украшеній, также систематически расположенное въ выдвижныхъ ящикахъ и также расположенное не по народностямъ, а по матеріалу (украшенія изъ сѣмянъ, изъ перьевъ, камней, фарфору, стекляруса, металла и т. п. украшенія шейныя, головныя). Осмотрѣть все въ подробности нѣтъ возможности въ одинъ разъ, и Клеммъ обѣщалъ мнѣ назначить еще день, чтобы пройти вмѣстѣ со мною еще какой-нибудь отдѣлъ. Теперь онъ готовитъ сочиненіе о германскихъ древностяхъ и говоритъ, что сношенія съ Россією и присылка вещей изъ Россіи объясняютъ ему многое.

«Во второе мое посѣщеніе Клемма мы прошли съ нимъ ту часть его собранія, которая относится къ исторіи искусства. Она очень обширна и начинается первыми грубыми попытками человѣческихъ фигуръ, вырѣзанными изъ дерева Неграми. Въ отдѣленіи мексиканскихъ изображеній я нашелъ одну голову изъ глины поразительнаго сходства съ другою, найденною въ Каракасѣ. Оказалось, къ крайнему моему удивленію, что первая найдена была въ Герлицѣ и относится къ 1315 г. Нѣсколько индійскихъ божествъ, вырѣзанныхъ на необыкновенно твердомъ и тяжеломъ деревѣ, похожемъ нѣсколько на дубъ (между прочимъ, колесница Ягернаута). Замѣчу еще рельефъ (№ 827) на шиферѣ, который можно принять съ одинаковою вѣроятностію столько же за этрусскій или египетскій, сколько и за мексиканскій. Онъ достался Клемму изъ собранія Штакельберга и представляетъ три фигуры, изъ которыхъ одна держитъ въ рукѣ змѣю, другая — мечъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ вещей есть безспорно небольшой цилиндръ изъ обожженной глины съ выпуклыми изображеніями для печатанія тканей. Онъ найденъ въ гробахъ древнихъ

Караибовъ въ Новой Гранадѣ въ Medellin'ѣ (№ 5519; Клеммъ далъ мнѣ оттискъ, напечатанный этимъ цилиндромъ). По сходству въ характерѣ и въ степени искусства съ пермскими древностями я замѣтилъ (№ 1058) бронзовую фигуру ослы изъ Тосканы и (№ 297) бронзовую фигуру лошади, найденную въ Германіи; но самое поразительное сходство въ (№ 590) бронзовой фигурѣ птицы, тоже найденной въ Германіи. Мы долго говорили съ Клеммомъ объ его путешествіяхъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Кведлинбургъ, Гальберштадтъ и Брауншвейгъ, чтобы взглянуть на деревянныя зданія XIV и XV в., еще сохранившіяся тамъ, и въ Брауншвейгѣ уполномочилъ меня обратиться отъ его имени къ доктору Шиллеру, который можетъ познакомить меня съ достопамятностями Брауншвейга. Я сообщилъ Клемму нѣкоторые рисунки съ вещей, положенныхъ мною въ кабинетъ рѣдкостей казанскаго университета. Особенно онъ интересовался однимъ каменнымъ топоромъ, котораго форма еще никогда не встрѣчалась ему до сихъ поръ. Въ третій визитъ я долженъ былъ сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ. Клеммъ говоритъ, что много обязанъ Русскимъ въ разъясненіи многихъ, не совсемъ ясныхъ для него, вопросовъ германской древности, которые разрѣшились только путемъ сравненія. По его мнѣнію, въ Германіи было два племени, одно пассивное, покоренное или уничтоженное другимъ активнымъ, принесимъ съ собою бронзовыя орудія. Я разстался съ большимъ сожалѣніемъ съ Клеммомъ до будущей встрѣчи.»

Общая себѣ, какъ мы видѣли, не заниматься книгами, Ешевскій не могъ однако не заглядывать въ бібліотеки и не обращаться къ тѣмъ книгамъ, которыя невозможно было достать въ Россіи, особенно много онъ работалъ въ Парижѣ, гдѣ прожилъ три съ половиною мѣсяца (съ ноября 1860 г. до февраля 1861-го); въ его бумагахъ я нашелъ записную книжку, въ

которой вписаны разные указанія изъ прочитанныхъ имъ книгъ; большая часть указаній относится къ первоначальной исторіи Франціи: здѣсь онъ приобрѣлъ обширное знакомство съ кельтскими древностями и дополнилъ свои знанія о первомъ періодѣ французской исторіи. Все это были матеріалы для готовившагося уже давно сочиненія о Брунегильдѣ. Съ восторгомъ писалъ онъ женѣ изъ Парижа, какъ онъ много работаетъ въ бібліотекахъ. Рядомъ съ научными работами шло у него ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ народовъ Запада, что составляетъ совершенную противоположность его студенческимъ годамъ, когда онъ мало обращалъ вниманія на современность. Теперь было иное: я знаю, что онъ слѣдилъ за итальянскимъ движеніемъ; въ его записной книжкѣ я нашелъ выписки, касающіяся баденскаго конкордата; А. С. Трачевскій въ запискѣ, которою я пользовался выше, сообщаетъ между прочимъ слѣдующее: «С. В. хотѣлъ въ своемъ ближайшемъ курсѣ специально остановиться на средневѣковыхъ оригинальныхъ учрежденіяхъ для организаціи промышленности. Во время своего пребыванія за границей онъ изучилъ устройство такъ-называемыхъ *Compagnages* въ Парижѣ, узналъ хорошо принципы, которыми руководствуется дѣятельный современный подвижникъ въ этомъ дѣлѣ, Пердигье, и собралъ нѣкоторые матеріалы для историческихъ работъ надъ этимъ интереснымъ предметомъ, которые должны были послужить исходною точкою въ его изслѣдованіяхъ. При этомъ приходитъ мнѣ на память одинъ одушевленный разговоръ, который отлично доказываетъ, какъ упорно мысль его овладѣвала извѣстнымъ предметомъ и преслѣдовала его со всѣхъ сторонъ. Когда зашла рѣчь о характерѣ социалистическихъ стремленій послѣдняго времени, онъ расхваливалъ предпріятіе странствующаго проповѣдника Вернера, говоря, что «въ основѣ его лежитъ христіанская идея».

Оказалось, что онъ собиралъ все брошюры, касающіяся этого предпріятія.» Съ улучшеннымъ здоровьемъ, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, полный надеждъ и плановъ для будущей полезной дѣятельности, спѣшилъ онъ въ Россію лѣтомъ 1861 г.; но какъ малому суждено было осуществиться изъ этихъ плановъ и надеждъ! . .

Неполныхъ четыре года продолжалась жизнь Ешевскаго послѣ этого возвращенія изъ-за границы; въ эти четыре года здоровье его становилось все хуже и хуже: послѣ тревожнаго 1861 г., лѣтомъ 1862-го его опять послали за границу; но зимою постигъ его первый ударъ паралича; оправившись, онъ снова принялся за работу. Въ 1864 г. послали его за границу; болѣе вакаціоннаго времени онъ остаться не хотѣлъ, вернулся къ той же тревожной дѣятельности, которая, по справедливому замѣчанію А. С. Трачевскаго въ его «Воспоминаніяхъ» *), стала въ послѣдніе годы еще тревожнѣе; болѣзнь окончательно приковала его къ постелѣ и 29-го мая 1865 г. онъ скончался.

Среди этихъ постоянно возобновляющихся припадковъ, онъ принужденъ былъ обстоятельствами отказываться отъ многихъ занятій. Такъ, скоро онъ долженъ былъ покинуть корпусъ, дѣятельностью въ которомъ онъ очень дорожилъ и начальство котораго умѣло цѣнить его дѣятельность; въ 1865 г. онъ покинулъ и институтъ, гдѣ снова началъ-было преподавать и гдѣ заботливо слѣдилъ за развитіемъ самосознанія воспитанницъ. Не разъ прерывались и его университетскія лекціи, такъ что во все это время онъ прочелъ только одинъ

*) Эти „Воспоминанія“, въ которыхъ сообщено нѣсколько подробностей о московской жизни С. В. Ешевскаго, особенно съ 1861 года, когда я сблизился съ нимъ, помѣщены въ „Соврем. Лѣтописи“ (1865 г. № 21). А. Т.

полный курсъ, доходившій до феодализма *), въ который онъ положилъ много матеріала, приготовленнаго имъ для Брунегильды; другой курсъ о феодализмѣ оставался неоконченнымъ. Въ то же время прочитано имъ было, въ видѣ введенія въ новый курсъ, нѣсколько лекцій (помѣщены въ этой части подъ названіемъ: «О значеніи расъ въ исторіи»), въ которыя онъ внесъ результаты новѣйшихъ антропологическихъ изслѣдованій. Въ то время его особенно занималъ вновь возникающій отдѣлъ археологіи, археологія доисторическая, какъ мы уже и видѣли изъ его бесѣдъ съ Клеммомъ. Онъ старался достать для Московскаго университета хотя снимки съ вещей, найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ. Обширное поприще для его дѣятельности собирателя открывалось, когда въ возникающемъ Московскомъ музеѣ предложена была ему должность хранителя этнографическаго отдѣленія: онъ принялся за это дѣло съ ревностію; но уже силы начинали измѣнять ему. Горячее сочувствіе и вспоможеніе оказалъ онъ новому Московскому Археологическому Обществу, сочувствіе, которое превосходно выставилъ А. А. Котляревскій въ своей статьѣ: «Помишки по С. В. Ешевскомъ» (Древности. Труды Моск. Арх. Общ. т. II). Дѣятельно участвуя въ созданіи общества, Ешевскій успѣлъ дать ему только одинъ вкладъ: статью о свайныхъ постройкахъ. Тогда же случай помогъ ему ближе познакомиться съ однимъ изъ вопросовъ давно уже занимавшихъ его, съ масонствомъ. Ему попалось въ руки множество масонскихъ бумагъ и рукописей, частію переданныхъ черезъ него въ музей, частію оставшихся у него и уже послѣ него поступившихъ въ это собраніе. Эта находка дала ему возможность написать двѣ статьи, помѣщенные въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

*) Этотъ курсъ напечатанъ во II части этого изданія, подъ названіемъ: „Эпоха переселенія народовъ, Меровинги и Каролинги“.

Онъ даже думалъ сдѣлать вопросъ о масонствѣ предметомъ своей докторской диссертаци. Такъ разнообразны были его труды въ эти страдальческіе годы. Онъ какъ будто торопился жить и высказаться.

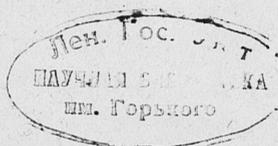
Но не эти труды уносили главнымъ образомъ его здоровье и силы: ихъ уносили постоянные труды по вопросамъ университета, проекты, участіе въ комитетахъ, совѣтскія пренія; разъ безъ чувствъ вынесли его изъ засѣданій совѣта; а между тѣмъ именно отъ этого-то рода трудовъ онъ и не хотѣлъ отказаться: въ 1862 г., узнавъ, что рѣшается одинъ изъ занимавшихъ его вопросовъ въ совѣтѣ, онъ спѣшилъ возвратиться изъ-за границы и такъ торопился изъ Петербурга, что проѣхалъ и не выдавши близкихъ для себя людей. А между тѣмъ время было полно вопросами: перестраивались и университетъ, и гимназія, подымались волненія студенческія. Все это тяжело дѣйствовало на Ешевскаго, раздражало, разстроивало его уже и потому, что университетъ и его судьба были самыми близкими для него предметами, и до конца онъ былъ преданъ имъ со всею страстностію своей природы. Надо было видѣть, какъ онъ оживлялся, когда говорилъ о нихъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти: я видѣлъ его въ послѣдній разъ, когда онъ возвращался изъ-за границы въ 1864 г.

Такъ угасалъ и, наконецъ, угасъ въ трудахъ и болѣзни этотъ энергическій борецъ за науку и русское просвѣщеніе. О немъ можно смѣло сказать, что онъ положилъ въ нихъ свою жизнь, смѣло можно сказать, что онъ чуждъ былъ своекорыстныхъ расчетовъ и какихъ-нибудь постороннихъ соображеній: у него не было личной ненависти, а передъ дѣломъ замолкали для него и личныя привязанности; когда онъ ошибался, то ошибался честно, и то, что могло казаться со стороны личнымъ упрямствомъ, въ послѣдствіи оказывалось

слѣдствіемъ убѣжденія. Тотъ русскій ученый, о которомъ мечталъ Грановскій, который внесъ бы въ европейскую науку свой русскій взглядъ, еще не являлся, и Ешевскій, подобно своимъ предшественникамъ по каедрѣ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ шелъ по дорогѣ, проложенной европейскими учеными, знакомя университетское юношество и читающую публику съ приемами и результатами западной науки, къ которой впрочемъ онъ относился критически: помню, какъ въ 1861 г. говорилъ онъ мнѣ о недобросовѣтномъ пользованіи источниками въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Амедея Тьерри и даже готовилъ по этому поводу статью. Но онъ шелъ ихъ путемъ, и все вниманіе его въ преподаваніи обращено было на Западъ, что замѣтно и въ трудахъ по русской исторіи, съ которою онъ былъ знакомъ ближе своихъ предшественниковъ, особенно со стороны народности. То, чего ему не доставало, принадлежитъ будущему времени; а для своего времени онъ сослужилъ великую службу: въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Нижнемъ, въ Вяткѣ и на пароходѣ изъ Перми мнѣ случалось слышать горячее слово благодарности отъ людей, въ которыхъ онъ разбудилъ умственный интересъ. Немногимъ изъ преподавателей выпало на долю то горячее чувство любви, которое возбудилъ къ себѣ Ешевскій; немногіе сохранили по себѣ такое чистое воспоминаніе: рано умираютъ даровитые люди въ русской землѣ, еще раньше старѣютъ и переживаютъ сами себя. Ешевскаго, сколько можно видѣть изъ всей его біографіи, никогда не ждала такая участь: отъ нея спасли бы его страстность его природы и постоянное недовольство своими трудами — лучшій залогъ возможности совершенствованія; Ешевскій крѣпнулъ и росъ. Онъ сдѣлалъ для своего усовершенствованія все, что могъ сдѣлать и, даже смѣю сказать, болѣе, чѣмъ могъ при своемъ болѣзненномъ организмѣ. Грустно было мнѣ, товарищу и другу его первой молодости,

пересказывать его скорбную жизнь; но меня утѣшала та мысль, что жизнь эта должна служить примѣромъ для тѣхъ, кому впереди предстоитъ подобная дѣятельность: людей, ставящихъ высшіе интересы человѣчества, интересы науки, выше всего и жертвующихъ имъ даже жизнью, слишкомъ мало, а только ихъ присутствіе подымаетъ общественное сознание надъ матеріальными интересами и «злобою дня».

К. Бестужевъ-Рюминъ.

перекладываю на себя, во имя истины
и чести, что являю себя истинно
любящим и уважающим вас, и
надеюсь, что вы будете так же
любить и уважать меня, как и
я люблю и уважаю вас.

А. Печенкин-Трубин

Ваше письмо получено и
читано. Я очень рад, что
вы пишете мне, и надеюсь,
что вы будете продолжать
писать мне, как и прежде.
Я очень люблю вас и уважаю
вас, и надеюсь, что вы
будете так же любить и
уважать меня, как и я
люблю и уважаю вас.

[1p]

